

НОВАЯ РУСИСТИКА

№ **1 / 2021** (XIV)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ

СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ
И АРЕАЛЬНОЙ РУСИСТИКИ

BRNO

ČESKÁ ASOCIACE SLAVISTŮ VE SPOLUPRÁCI
S FILOZOFICKOU FAKULTOU MASARYKOVY UNIVERZITY

Studie v rubrice Статьи prošly recenzním řízením.

Přijímání příspěvků, jejich úprava a recenzování se řídí pravidly pro přispěvatele:

www.phil.muni.cz/journals/novaya-rusistika

Za jazykovou správnost a kvalitu obrazových příloh odpovídají autoři.

Plné texty článků jsou dostupné v Digitální knihovně FF MU:

digilib.phil.muni.cz/handle/11222.digilib/115644

Časopis Новая русистика je indexován v mezinárodní databázi ERIH PLUS.

Содержание

Статьи

Людмила Владимировна Валова

Помни имя свое! (К вопросу о названиях государств) 5

Remember your name! (On the Issue of State Names)

Йозеф Догнал

Несостоявшееся редакторство сборников издательства «Знание»

Л. Андреевым. Один эпизод из переписки М. Горького и Л. Андреева 21

The Non-realized Editorship of the Almanacs of the Publishing House "Znanie" by L. Andreev. One Episode

in the Correspondence between M. Gorki and L. Andreev

Давид Кроча

Чеховская трагикомедия. Интерпретация «Трех сестер» в Городском театре

Брно 31

Chekhov's Tragicomedy. To the Interpretation of Three Sisters in Brno City Theatre

Natália Muránska

Na margo románu *Mistr a Markétka* (Text ako záhada, šifra, odkaz doby?) 41

On the Margin of the Novel Master and Margarita (Text as Mystery, Cipher, Message of Epoch)

Na полях романа «Мастер и Маргарита»: текст как тайна, шифр, послание эпохи?

Маргиналии

Ivo Pospíšil

Za profesorem Miroslavem Zahrádkou 51

Рецензии

Moderná učebnica ruštiny pre samoukov (*I. Cintula*) 57

Tři knihy ze Siedlc (*I. Pospíšil*) 59

Информаторий

Grzegorz Gazda jako rusista. In memoriam polského teoretika literatury (*I. Pospíšil*) 67

Památce docentky Květuše Lepilové (*I. Pospíšil*) 69

Brněnské kolokvium – doktorská škola o Ivanu Gončarovovi (*I. Pospíšil*) 70

Помни имя свое! (К вопросу о названиях государств)

Remember your name! (On the Issue of State Names)

Людмила Владимировна Валова

(Пльзень, Чешская Республика)

Abstract:

The present paper is devoted to the problem of coexistence in modern Russian language of name variations so-called former Union Republics: *Кыргызстан—Киргизия, Беларусь—Белоруссия, Туркменистан—Туркмения, Молдова—Молдавия*. The purpose of the present study is to evaluate the success rate of new names and their place in the system of modern Russian language. The author cites government documents that record different variations of names, refers to the linguistic dictionaries and to the Russian National Corpus. According to the author, artificial introduction in the 90s of the 20th century of new variants state names was on the one hand, a democratic gesture, and on the other hand, a rash decision, that led a lot of linguistic problems.

Key words:

modern Russian language; state names; former Union Republic; politically correct variants; official and unofficial variants; Russian National Corpus

Введение

В языке, как известно, отражается жизнь народа, включая различные политические, социально-экономические, культурные изменения. Названия государств и городов непосредственным образом зависят от происходящих исторических процессов: меняются эпохи, правители, политические лидеры, социально-экономические системы, и топонимы, реагируя на произошедшие изменения, или частично корректируются, или меняются полностью. Россия имеет непростую многовековую историю, и как название самого государства, так и названия российских городов, областей, республик и пр. претерпевали различные изменения. Проблема наименования, а также и переименования различных географических объектов и территориальных единиц всегда притягивала внимание исследователей [AGEJEVA 1985; BARANDEJEV 2010; BORODAJ 2014; GORBAČEVIĆ 1965; GORICKAJA 2017; KLOSS 2012; LAPTEV 2007; MEL'NIKOVA, PETRUCHIN 1989; MURZAJEV 1982; NEROZNAK 1983; NIKITIN 2003; ŠMIDT 2004; UZIN 1961; VOROŠILIN 2011]. Объект нашего исследования — появившиеся в конце прошлого столетия названия т. н. «бывших союзных республик». В 90-е годы 20-го века на фоне происходящих социально-политических изменений (приобретение статуса самостоятельных государств бывшими союзными республиками) в прессе стали использоваться новые варианты названий некоторых государств: *Кыргызстан (Киргизия), Беларусь (Белоруссия), Туркменистан (Туркмения), Молдова (Молдавия)*. Новые варианты, собственно, являются транслитерацией наименований этих стран в родном языке. Введение т. н. «политкорректных» названий было своего рода демократичным жестом, смыслом которого было подчеркнуть самостоятельный статус новых государств. Однако этот шаг породил массу лингвистических вопросов, которые до сих пор будоражат общественность. Цель статьи — оценить уровень успешности новых наименований, их место в системе современного русского языка, а также предположить степень их долговечности. В статье мы нацелимся на выявление причин появления сосуществующих вариантов названий (традиционных и «политкорректных»), проанализируем способы их фиксации в словарях, обратимся к данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ), которые отражают реальную картину функционирования и демонстрируют предпочтительность того или иного варианта.

История вопроса

В 1991 году практические все союзные республики де-юре получили независимость со стороны СССР и во всех бывших союзных республиках встал вопрос о новом наименовании политического субъекта. Каждое вновь образовавшееся

государство решало этот вопрос по-своему, главным же в тех условиях было отказаться от слов «советский» и «социалистический» в названии. После принятия 8 декабря 1991 г. Соглашения о создании Содружества независимых государств (СНГ) [*Soglašenje...*] была принята Алма-Атинская Декларация (21 декабря 1991 г.), которая начиналась следующим перечнем независимых государств: «Независимые Государства — Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Кыргызстан, Республика Молдова, Российская Федерация (РСФСР), Республика Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан и Украина...» [*Alma-Atinskaja...*]. Так, собственно, в официальном документе впервые были зафиксированы непривычные на тот момент названия вновь образовавшихся государств: Республика Беларусь, Республика Кыргызстан, Республика Молдова, Туркменистан.

Это поспешное решение властей, которые, возможно, и руководствовались благими намерениями — подчеркнуть независимость вновь созданных государств — породило массу лингвистических вопросов, которые авторы данной Декларации, думается, и не могли предположить. На фоне этого решения властей — в прессе, а позже и в интернете — стали параллельно использоваться варианты названий государств, что, собственно, не могло не вызвать вопроса: «А как, собственно, правильно?» Весьма непростая ситуация требовала официального вмешательства, и оно последовало, однако не со стороны лингвистов, а со стороны властей. В 1995 году вышло Распоряжение Администрации Президента Российской Федерации «О написании названий государств — бывших республик СССР и их столиц», где говорилось: «В целях обеспечения единообразия в написании названий государств — бывших республик СССР и их столиц использовать в документах, создаваемых в Администрации Президента Российской Федерации, в служебной переписке и официальных переговорах названия государств — бывших республик СССР и их столиц согласно прилагаемому списку» [*O napisanii...*] (таблица на след. странице).

Не совсем понятно, однако, почему по отношению к полной форме Республика Молдова, в документе предлагается краткая форма Молдавия (не Молдова). Также не ясно, почему, если используются «новые» названия Республика Молдова и Туркменистан, не используется «новое» — Беларусь, а вводится привычное — Белоруссия. В любом случае, этот документ большой ясности не внес.

В 2001 году был сделан следующий шаг на пути систематизации названий государств, а именно был разработан Общероссийский классификатор стран мира, предназначенный для «идентификации стран мира ... в процессе обмена

Названия государств		Названия столиц
полная форма	краткая форма	государств
Азербайджанская Республика	Азербайджан	Баку
Республика Армения	Армения	Ереван
<i>Республика Белоруссия</i>	<i>Белоруссия</i>	Минск
Республика Грузия	Грузия	Тбилиси
Республика Казахстан	Казахстан	Алма-Ата
<i>Киргизская Республика</i>	<i>Киргизия</i>	Бишкек
Латвийская Республика	Латвия	Рига
Литовская Республика	Литва	Вильнюс
<i>Республика Молдова</i>	<i>Молдавия</i>	Кишинев
Республика Таджикистан	Таджикистан	Душанбе
<i>Туркменистан</i>	<i>Туркмения</i>	Ашхабад
Республика Узбекистан	Узбекистан	Ташкент
Украина	Украина	Киев
Эстонская Республика	Эстония	Таллин

информацией при решении задач международных экономических, научных, культурных, спортивных связей и т. д.» [Obščerosijskij...]. В данном документе были зафиксированы следующие официальные краткие и полные названия: *Беларусь — Республика Беларусь; Киргизия — Киргизская Республика; Молдова — Республика Молдова; Туркменистан.*

Как видим, названия государств, предложенные в Общероссийском классификаторе стран мира, отличаются от названий, зафиксированных в Распоряжении Администрации Президента РФ 1995 года. Если в Распоряжении встретилось только одно «политкорректное» название — *Республика Молдова*, то в Общероссийском классификаторе были введены следующие новые варианты: *Беларусь — Республика Беларусь*, а также *Туркменистан*. Данный документ разработан Всероссийским научно-исследовательским институтом классификации, терминологии и информации по стандартизации и качеству (ВНИИКИ) Госстандарта России и Центральным банком Российской Федерации (Банком России). Таким образом, Общероссийский классификатор стран мира не является словарем и не ставит своей целью зафиксировать название государств как языковую норму, соответственно, к этим наименованиям нельзя относиться как к языковому образцу. Ответ на вопрос: «А как, собственно, правильно?» — следовало бы поискать в словарях русского языка. Однако следует признать, что существует определенный дефицит современных топонимических словарей. Орфографические же словари, имея другие цели и задачи, обычно обходят

своим вниманием топонимы. В обновленной редакции Правил по орфографии и пунктуации (полный академический справочник), изданных под редакцией В. В. Лопатина, специального раздела, посвященного написаниям названий иностранных государств, к сожалению, нет [Pravila... 2008]. В поисках ответа многие обращаются к популярному в России справочно-информационному portalу Грамота.ру, сотрудники которого, комментируя сосуществующие варианты, обычно пользуются понятиями «официальные» и «неофициальные» названия государств.

В следующей части статьи проанализируем функционирование наиболее проблематичных вариантов: *Беларусь — Белоруссия, Кыргызстан — Киргизия, Туркменистан — Туркмения, Молдова — Молдавия*, обратимся к официальным документам, подтверждающим введение того или иного названия, к лингвистическим словарям, являющимся кодификаторами норм русского языка, а также к данным национального корпуса русского языка, позволяющим судить о предпочтительности того или иного варианта.

Белоруссия. Беларусь

Официальные документы

Название *Беларусь* был утверждено Законом РБ от 19.09.1991 года «О названии Белорусской Советской Социалистической Республики и внесении изменений в Декларацию Верховного Совета Белорусской Советской Социалистической Республики о государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики и Конституцию (Основной Закон) Белорусской ССР» [O nazvanii...]. В апреле 2000 г. вышел также Указ президента Республики Беларусь «Об использовании названия Республики Беларусь юридическими лицами», который гласит, что под официальным полным и сокращенным названием Республики Беларусь понимаются соответственно слова «*Республика Беларусь*», «*Беларусь*» [Ob ispol'zovanii...].

Данные словарей

Топонимический словарь Е. М. Поспелова предлагает следующую словарную статью: «*Белоруссия*, государство в Вост. Европе. [...] Образованное в 1991 г. суверенное гос-во приняло название *Республика Беларусь*» [POSPELOV 2005, 73]. В Словаре собственных имен русского языка Ф. Л. Агеенко приводятся варианты *Белоруссия*, -и (*Беларусь, Республика Белоруссия*) [AGEJENKO 2010, 42]. Таким образом, в качестве основного в обоих словарях предлагается

вариант *Белоруссия*, однако полные формы, вводимые в словарях, отличаются: *Республика Беларусь* — *Республика Белоруссия*.

Учебный орфографический словарь русского языка под редакцией В. В. Лопатина не приводит названия государства как самостоятельную единицу, однако вариант *Белоруссия* упоминается в связи с прилагательным *белорусский* (к *белорус* и *Белоруссия*) [LOPATIN, IVANOVA, SAFONOVA 2008, 58]. В Правилах русской орфографии и пунктуации название *Белоруссия* упоминается в примечании к правилу о двойных согласных в корне: «[...] с двойным С пишется и слово *Белоруссия*» [Pravila... 2008, 109].

Таким образом, если говорить именно о литературной норме, зафиксированной в словарях и справочниках, следует признать вариант *Белоруссия* тем самым «правильным» вариантом.

Данные национального корпуса русского языка¹

Основную проблему, естественно, составляет параллельное использование вариантов *Белоруссия* и *Беларусь*. Однако в процессе анализа данных НКРЯ мы обнаружили 19 случаев употребления варианта *Беларуссия*, что, по нашему мнению, свидетельствует об элементарной неграмотности или халатности некоторых журналистов. Доказательством может служить следующий пример с сайта РИА Новости (27.01.2004 г.): «Секретарь СБ РФ Владимир Рушайло посетит **Белоруссию** с официальным визитом. Программа пребывания Рушайло предусматривает встречи и переговоры с политическим руководством республики, государственным секретарем Совета безопасности **Беларуссии** Геннадием Невыгласом». [Utrenjaja... 2020] Как видим, в одном предложении используются два варианта, второй — в лучшем случае является опечаткой.

Корпусы	<i>Белоруссия</i>	<i>Беларусь</i>	<i>Беларуссия</i> *
Основной	2 267 (74 %)	796 (26 %)	–
Газетный	20 732 (81 %)	4 699 (18 %)	19 (1 %)
Параллельный	38 (1 %)	4 379* (99 %)	–
Устный	688 (94 %)	41 (6 %)	–
	23 725 (70 %)	9 915 (29 %)	19 (1 %)

1 За основу мы взяли наиболее объемные с точки зрения количества словоупотреблений корпусы: основной, газетный, параллельный и устный. Данные НКРЯ, подвергшиеся анализу, относятся к периоду 1991–2015. К сожалению, более поздние материалы в НКРЯ не представлены.

Как видно из приведенных данных, в современных текстах значительно преобладает привычный вариант *Белоруссия* (70 %). Столь разительную разницу, которая проявилась в параллельном корпусе (*Беларусь* — 4379, *Белоруссия* — 38), однако, нельзя трактовать как объективное явление. Такая статистика объясняется тем, что в данном корпусе размещены переводы нескольких белорусских законов, а также приведены многочисленные данные с новостных белорусских сайтов, на которых информация дается как на белорусском, так и на русском языках, причем перевод выполнен работниками данного белорусского сайта, что и объясняет выбор варианта *Беларусь*.

Конечно, названию *Беларусь* никакие фонетические нюансы² не мешают войти в систему русского языка, однако этот вариант небезупречен с точки зрения грамматики: буква *А* в этом слове осознается как соединительная гласная между корнями *бел* и *рус*, в то время как в русском языке возможны только две соединительные гласные: *О* и *Е*. К тому же вариант *Беларусь* вполне логично вызывает вопросы и по поводу образования производных слов: **беларусский*, * *беларус* и т. д.

Киргизия. Кыргызстан

Официальные документы

До 1990 года в документах фигурирует название Киргизская ССР. В Законе «О внесении изменений и дополнений в Конституции (Основной закон) Республики *Кыргызстан*», принятом 05.02.1991 г., используется уже новое название государства [*О vnesenii...*]. В самой Киргизии, где все государственные документы переводятся на русский в связи с тем, что русский язык признан официальным, местные политики тем не менее требуют, чтобы и в русских текстах использовался корень *кыргыз* [CHOPERSKAJA 2008, 72].

Данные словарей

В топонимическом словаре Е. М. Поспелова и в словаре имен собственных Ф. Л. Агеенко приводятся оба варианта: *Киргизия* и *Кыргызстан*, вариант *Киргизия*, судя по тому, что он дается первым, следует оценивать как основной. Е. М. Поспелов: «*Киргизия, Республика Кыргызстан*, гос-во в Средней Азии. Официальное название государства Кырзыстан от самоназвания коренного населения *кыргызы* и иран., тюрк. *стан* — «земля, страна». Русск. традиц. форма — *Киргизия*» [POSPELOV 2005, 142–143]. Ф. Л. Агеенко: «*Киргизия, -и (Кыргызстан, Республика Киргизия)*» [AGEJENKO 2010, 145].

2 Ср. вариант Кыргызстан.

Примечательно, что авторы топонимических словарей вновь приводят разные полные формы: *Республика Кыргызстан* — *Республика Киргизия*.

Учебный орфографический словарь упоминает название *Киргизия* в связи с прилагательным: *киргизский*, -ая, -ое (к *киргиз* и *Киргизия*) [LOPATIN, IVANOVA, SAFONOVA 2008, 314]. В Правилах русской орфографии и пунктуации на эту тему нет никакой информации.

Данные национального корпуса русского языка

Логично предположить, что вариант *Кыргызстан* в русском языке не может «прижиться», так как противоречит фонетическим законам (нетипичность сочетаний заднеязычных *Г, К, Х + Ы* для современного русского языка) — не случайно в Общероссийском классификаторе стран мира 2001 года этот вариант не был введен. Тем не менее, по данным Национального корпуса русского языка, написание *Кыргызстан* время от времени используется, в основном на страницах прессы. Существует также своего рода вариант *Киргизстан*, однако он не столь частотен. Нам этот «компромиссный» способ названия представляется попыткой «примирить» два варианта: *Киргизия* и *Кыргызстан*. Судя по пассивности его функционирования можно предположить эту попытку искусственной и нежизнеспособной.

Корпусы	<i>Киргизия</i>	<i>Кыргызстан</i>	<i>Киргизстан</i> *
Основной	532 (75 %)	154 (22 %)	22 (3 %)
Газетный	7 319 (84 %)	1 287 (15 %)	127 (1 %)
Параллельный	12 (75 %)	4 (25 %)	–
Устный	46 (94 %)	2 (4 %)	1 (2 %)
	7 909 (83 %)	1 447 (15 %)	150 (2 %)

Данные НКРЯ, приведенные в таблице, свидетельствуют о явном предпочтении варианта *Киргизия*.

Молдавия. Молдова

Официальные документы

В 1990 г. в соответствии с поправкой в действующую Конституцию, название *Молдавская Советская Социалистическая Республика* поменялось на *Советская Социалистическая Республика Молдова* [Otnositel'no...]. В 1991 г. было узаконено название *Республика Молдова* [O pereimenovanii...].

Данные словарей

В отношении названия данного государства сведения двух топонимических словарей практически совпадают. Топонимический словарь Е. М. Поспелова: «*Молдавия, Республика Молдова*, гос-во на Ю. В. Европы. Название унаследовано от истор. территории *Молдова*, получившей наименование по реке *Молдова* [...]» [POSPELOV 2005, 179]. Словарь Ф. Л. Агеенко: «*Молдавия, -и (Республика Молдова)*» [AGEJENKO 2010, 198].

В орфографическом словаре под ред. Лопатина название *Молдавия* упоминается в двух словарных статьях: *молдаванский, -ая, -ое* (к *молдаванин* и *Молдавия*); *молдавский, -ая, -ое* (к *Молдавия*) [LOPATIN, IVANOVA, SAFONOVA 2008, 448], «политкорректный» вариант *Молдова* не фиксируется.

Данные национального корпуса русского языка

По данным НКРЯ, вновь преобладает традиционный вариант *Молдавия* (65%), однако и название *Молдова* (35%) относительно активно.

Корпусы	<i>Молдавия</i>	<i>Молдова</i>
Основной	649 (72 %)	254 (28 %)
Газетный	9 897 (64 %)	5 479 (36 %)
Параллельный	5 (42 %)	7 (58 %)
Устный	34 (83 %)	7 (17 %)
	10 585 (65 %)	5 747 (35 %)

В связи с вариантом *Молдова* вновь актуализируется вопрос о способе образования производных слов. Данный вопрос активно обсуждается на портале Грамота.ру. Позволим себе процитировать одно из обсуждений: *Вопрос:*

«Существует государство Молдавия. В нем живут молдаване. Однако словарь выдает и наличие государства Республика МолдОва. Не было бы логично утверждать, что в нем живут молдОване?». Ответ справочной службы русского языка: «Нет, поскольку русское слово «молдаване» образовано от русского названия страны — «Молдавия». «Республика Молдова» — это название, используемое в официальных документах. Наличие этого официального наименования не отменяет существования в русском языке слова «молдаване». [Poisk... 2020a]

Думается, что вариант *молдовáне* (от *Молдовы*) теоретически и мог бы «прижиться»: *О* в предупредном слоге редуцируется и разница *О/А* не так

очевидна. Однако сложно представить, чтобы стал нормативным вариант *молдóвский*, в котором разница *О/А* проявляется не только в графическом облике слова, но и при произношении ударного *О*. Все сказанное свидетельствует в защиту традиционного для русского языка названия *Молдавия*.

Туркмения. Туркменистан

Официальные документы

Название государства *Туркменистан* было узаконено в Конституции государства, вышедшей в 1992 г. [*Konstitucija...*]. Государственным языком сегодня, в соответствии с Конституцией 2016 г. (статья 21), является туркменский язык. В то же время следует признать, что существуют туркменские интернет-ресурсы на русском языке, официальные государственные сайты, где информация дается с переводом на русский язык. Естественно, что на туркменских сайтах используется название *Туркменистан*.

Данные словарей

В случае названия данного государства сведения топонимических словарей вновь разнятся. Е. М. Поспелов: «*Туркмения, Туркменистан*, гос-во в Центр. Азии. Название существует с 1924 г., когда была образована *Туркменская ССР*, в национальном написании *Туркменистан ССР*. С 1991 г. — независимое гос-во *Туркменистан*». В названии сочетаются этноним *туркмены* и иран., тюрк., *стан* — «страна» [POSPELOV 2005, 262].

В словаре собственных имен русского языка Ф. Л. Агеенко название *Туркменистан*, однако, вовсе не приводится: «*Туркмения, -и, (Республика Туркмения)*» [AGEJENKO 2010, 318].

В орфографическом словаре упоминаются оба названия, но в качестве примечания к прилагательному *туркменский, -ая, -ое* (к *туркмен, Туркмения, Туркменистан*) [LOPATIN, IVANOVA, SAFONOVA 2008, 995].

В Правилах русской орфографии и пунктуации приводится вариант *Туркменистан* в правиле о написании безударных соединительных гласных: «[...] в названиях государств, территорий со второй частью — *стан* (*Узбекистан, Туркменистан, Курдистан...*)» [Pravila... 2008, 74]. Вариант *Туркмения* в Правилах вообще не упоминается.

Данные национального корпуса русского языка

Следует признать, что, судя по данным НКРЯ, вариант *Туркменистан* относительно активен (32 %). Видимо, по той причине, что, во-первых, это название не противоречит нормам написания и произношения, во-вторых, вариант *Туркменистан* создан по привычной для русского языка модели — *Таджикистан*, *Узбекистан*, *Казахстан*.

Корпусы	<i>Туркмения</i>	<i>Туркменистан</i>
Основной	445 (70 %)	191 (30 %)
Газетный	2 695 (67 %)	1 336 (33 %)
Параллельный	2 (40 %)	3 (60 %)
Устный	109 (80 %)	27 (20 %)
	3 251 (68 %)	1 557 (32 %)

Из таблицы видно, что в устной речи вариант *Туркмения* превышает количество употреблений названия *Туркменистан* в четыре раза: это можно объяснить его лаконичностью и легкостью для произношения. В остальных корпусах разница в употреблении этих двух названий, возможно, и не столь выразительная, однако из всех анализируемых нами названий именно эти два варианта — *Туркмения* и *Туркменистан* — противопоставлены в минимальной степени и вполне «уживаются» в одном контексте даже на страницах научных журналов, например: «Нацеленная на долгосрочные перспективы развития экономическая политика *Туркменистана* является взаимовыгодной как для России, получающей доход от торговли туркменскими энергоносителями и их транзита, так и для самой *Туркмении*, дающей ей выход на крупнейшие мировые рынки энергоносителей» [ŠCENSNOVIČ 2019, 52].

Выводы

Введение в российской официальной сфере в 90-е годы 20-го века новых названий вновь образовавшихся государств: *Беларусь*, *Кыргызстан*, *Молдова*, *Туркменистан* — было политическим решением, смыслом которого было подчеркнуть признание российской стороной независимости и самостоятельности бывших союзных республик. Этот демократичный жест был толчком для распространения «политкорректных» вариантов на страницах печати, а в последствии и в интернет-пространстве. Функционирование новых наименований тем не менее не привело к вытеснению традиционных

названий — варианты используются параллельно, часто неосознанно, тем более что в словарях и справочниках русского языка нет четкого разъяснения, как к этим вариантам следует относиться. Немногочисленные современные топонимические словари приводят и те, и другие варианты без каких-либо объяснительных помет. Более того, в качестве т. н. официальных названий порой даются разные варианты (*Республика Беларусь — Республика Белоруссия; Республика Кыргызстан — Республика Киргизия*). К сожалению, в орфографических словарях, которые, по сравнению с топонимическими словарями, более доступны широким слоям населения, названия государств обычно не фиксируются. В Правилах по орфографии и пунктуации по этому вопросу также нет какой-либо объяснительной информации.

Как показал анализ данных НКРЯ (1991–2015 гг.), новые названия государств *Туркменистан, Беларусь, Молдова, Кыргызстан* продолжают оставаться лишь «официальными» — узус же предпочитает привычные *Туркмения, Белоруссия, Молдавия, Киргизия*.

<i>Белоруссия</i>	<i>Беларусь</i>	<i>Беларуссия*</i>
23 725 (70 %)	9 915 (29 %)	19 (1 %)
<i>Киргизия</i>	<i>Кыргызстан</i>	<i>Киргизстан*</i>
7 909 (83 %)	1 447 (15 %)	150 (2 %)
<i>Молдавия</i>	<i>Молдова</i>	
10 585 (65 %)	5 747 (35 %)	
<i>Туркмения</i>	<i>Туркменистан</i>	
3 251 (68 %)	1 557 (32 %)	

В то же время следует признать, что критерий официальности/неофициальности названий не соблюдается абсолютно четко: т. н. «официальные» названия не используются исключительно в документах, они проникают и в тексты иных стилей, и наоборот, в текстах научного и даже официально-делового стилей часто употребляются традиционные, «неофициальные» названия.

Параллельное функционирование разных названий государств, вполне естественно, поднимает вопрос о способе образования дериватов — имен прилагательных и имен существительных (названий жителей этих стран). Обсуждение подобных вопросов на справочно-образовательном портале Грамота.ру порой перерастает в жаркие споры и даже словесную перепалку, так как данная тема затрагивает национальный вопрос. Не все намерены

следовать советам лингвистов, порой реакция бывает весьма агрессивной: «Так, как называют Беларусь россияне, совершенно неверно. Мы не в СССР, будьте любезны, не указывайте людям неверную информацию. Верно говорить, что „мясо из Беларуси“. Почему бы не называть Ваше государство Роиссей или же Россисией?» [Poisk... 2020b]. Столь категоричная позиция оппонента, явно белоруса по национальности, конечно, подогрета стремлением к национальной самоидентификации, и какие-либо языковые законы здесь абсолютно не берутся во внимание. Подобными «националистическими» трактовками сегодня пестрит интернет: украинцы не могут смириться с вариантом *на Украине*, белорусы настаивают на том, чтобы русские писали *беларус* и *беларусский* или даже *беларуский*, молдаване не понимают, почему в русском языке не используется вариант *молдоване* и т. д.

Не осознается тот факт, что каждый язык имеет свою систему правил функционирования языковых единиц, а также право на собственные названия иностранных реалий, будь то государства, города, реки, горы и т. д. С сожалением следует признать, что к межнациональным конфликтам, обусловленным территориальными, ресурсными и прочими проблемами, добавился еще и конфликт языкового характера.

Таким образом, введение в сферу использования русского языка в 90-е годы 20-го века новых названий получивших независимость государств было, с одной стороны, демократичным жестом, а с другой стороны — необдуманное решение, приведшим к массе лингвистических вопросов. Видимо, политкорректность не всегда бывает во благо: язык — это складывающаяся столетиями система, которая работает по определенным законам и любое искусственное вмешательство чревато непредсказуемыми, а порой и негативными последствиями.

Библиография:

- AGEJENKO, F. L. (2010): *Slovar' sobstvennych imen russkogo jazyka*. Moskva.
- AGEJEVA, R. A. (1985): *Proischoždenije rek i ozer*. Moskva.
- Alma-Atinskaja Deklaracija (g. Alma-Ata, 21 dekabrja 1991 goda)*. <<http://cis.minsk.by/page/178>>. [online]. [cit. 6. 6. 2020].
- BARANDEJEV, A. V. (2010): *Istorija geografičeskich nazvanij: russkaja toponimija v terminach*. Moskva.
- BORODAJ, A. D. (2014): *Političeskij nejming v istoričeskom kontekste*. In: *Vestnik universiteta (Gosudarstvennyj universitet upravlenija)*, 2014, č. 7, s. 266–270.
- CHOPERSKAJA, L. (2008): *Russkij jazyk v sovremennoj Kirgizii: problemy i perspektivy*. In: *Rossija i musul'manskij mir*, 2008, č. 8, s. 65–76.

- GORBAČEVIČ, K. S. (1965): *Russkije geografičeskije nazvanija*. Moskva.
- GORICKAJA, O. (2017): *Russkij jazyk i geografija: variativnyje nazvanija stran i gorodov v SMI*. In: *Stylistika: mova, majlenne i tekst*. Minsk, s. 149–158.
- Konstitucija Turkmenistana ot 18 maja 1992 goda № 691-XII*. <http://base.spininform.ru/show_red.fwx?rid=48956>. [online]. [cit. 7. 6. 2020].
- KLOSS, B. M. (2012): *O proischoždenii nazvanija «Rossija»*. Moskva.
- LAPTEV, A. S. (2007): *Istorija geografičeskich nazvanij Rusi*. Moskva.
- LOPATIN, V. V. (ed.), IVANOVA, O. E., SAFONOVA, Ju. A. (2008): *Učebnyj orfografičeskij slovar'ruskogo jazyka*. Moskva.
- MEL'NIKOVA, E. A., PETRUCHIN, V. Ja. (1989): *Nazvanije «Rus'» v etnokul'turnoj istorii drevnerusskogo gosudarstva*. In: *Voprosy istorii*, 1989, č. 8, s. 24–38.
- MURZAJEV, E. M. (1982): *Geografija v nazvanijach*. Moskva.
- Nacional'nyj korpus russkogo jazyka*. <<http://www.ruscorpora.ru/new/>>. [online]. [cit. 5. 4. 2020].
- NEROZNAK, V. P. (1983): *Nazvanija drevnerusskich gorodov*. Moskva.
- NIKITIN, S. A. (2003): *Lingvističeskije aspekty pereimenovanija geografičeskich ob'ektov v Rossii*. Avtoreferat dissertacii na soiskanije učenoj stepeni kandidata filologičeskich nauk. Moskva.
- O napisanii nazvanij gosudarstv — byvsich respublik SSSR i ich stolic. Rasporjaženije administracii prezidenta RF ot 17.08.95 № 1495*. <http://new.gramota.ru/spravka/docs?layout=item&id=16_9>. [online]. [cit. 6. 6. 2020].
- O nazvanii Belorusskoj Sovetskoj Socialističeskoj Respubliki i vnesenii izmenenij v Deklaraciju Verhovnogo Soveta Belorusskoj Sovetskoj Socialističeskoj Respubliki o gosudarstvennom suverenitete Belorusskoj Sovetskoj Socialističeskoj Respubliki i Konstituciju (Osnovnoj Zakon) Belorusskoj SSR. Zakon Respubliki Belarus' 19 sentjabrja 1991 g. № 1085-XII*. <<https://normativka.by/lib/document/500045080>>. [online]. [cit. 6. 6. 2020].
- O pereimenovanii gosudarstva SSR Moldova v Respubliku Moldova. Zakon № 589 ot 23.05.1991*. <<http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=313220&lang=2>>. [online]. [cit. 7. 6. 2020].
- O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Konstituciju (Osnovnoj Zakon) Respubliki Kyrgyzstan. Zakon Respubliki Kyrgyzstan ot 5 fevralja 1991 goda № 386-XII*. <<http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/865>>. [online]. [cit. 6. 6. 2020].
- Obščerossijskij klassifikator stran mira*. (2001). <http://base.garant.ru/12127475/>. [online]. [cit. 6. 5. 2020].
- Otnositel'no vnesenija nekotorych izmenenij v Konstituciju (Osnovnoj Zakon) Moldavskoj SSR. Zakon № 75 ot 05.06.1990*. <<http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=351798&lang=1>>. [online]. [cit. 7. 6. 2020].
- Poisk otveta. (2020a). <<http://new.gramota.ru/spravka/buro/search-answer?s=так же, как и&start=15>>. [online]. [cit. 19. 02. 2020].

- Poisk otveta. (2020b). <<http://new.gramota.ru/spravka/buro/search-answer?s=Молдова>>. [online]. [cit. 19. 02. 2020].
- POSPELOV, E. M. (2005): *Toponimičeskij slovar'*. Moskva.
- Pravila russoj orfografii i punktuacii. Polnyj akademičeskij spravočnik.* (2008). Moskva.
- SČENSNOVIČ, V. N. (2019): *Turkmenistan: včera, segodnja, zavtra.* In: Rossijsa i musulmanskij mir, 2019, č. 1 (311), s. 35–40.
- Soglašenije o sozdanii Sodružestva Nezavisimych Gosudarstv (g. Minsk, 8 dekabnja 1991 goda).* <<http://www.cis.minsk.by/page/176>>. [online]. [cit. 7. 6. 2020].
- ŠMIDT, S. O. (2004): *V nekotom carstve, v nekotom gosudarstve... Kak pravil'no nazvat' Rossijskuju deržavu v XVI v.* In: Rodina, 2004, č. 12, s. 35–40.
- Ob ispol'zovanii nazvanija Respubliki Belarus' juridičeskimi licami. Ukaz prezidenta Respubliki Belarus' ot 7 aprelja 2000 goda № 172.* <http://continent-online.com/Document/?doc_id=31519928>. [online]. [cit. 6. 6. 2020].
- Utrenjaja počta – RIA Novosti, 05.06.2008.* (2020) <<https://ria.ru/20040127/514689.html>>. [online]. [cit. 19. 02. 2020].
- UZIN, S. V. (1961): *Tajny geografičeskich nazvanij.* Moskva.
- VOROŠILIN, S. I. (2011): *Toponimičeskije vojny — nasil'stvennaja smena toponimov vsledstvije vojn, revoljucij i kolonizacii.* In: Voprosy vseobščej istorii, 2011, č. 13, s. 80–98.

About the author

Liudmila Valova, University of West Bohemia, Faculty of Education, Department of Russian Language, Pilsen, Czech Republic, lvalova@krf.zcu.cz

Несостоявшееся редакторство сборников издательства «Знание» Л. Андреевым. Один эпизод из переписки М. Горького и Л. Андреева

The Non-realized Editorship of the Almanacs of the Publishing House “Znanie” by L. Andreev. One Episode in the Correspondence between M. Gorki and L. Andreev

Йозеф Догнал

(Брно, Чешская Республика; Трнава, Словацкая Республика)

Abstract:

The fate of the intended editorship of the almanacs of the publishing house “Znanie” by L. Andreev is the main focus in this paper. The correspondence between the two Russian writers shows, that the editorship did not come true because of the irreconcilable difference in the concepts of Gorki and Andreev not only in the basic orientation of the almanacs (the ideological line, mass reader) but also in the sphere of collaborating writers who would come up to the criteria of “liberation of the human being” and of “democratic line” which had to become the main ideological targets of the almanacs. The fact that Andreev said no to the editorship and his reasons for such a step are considered to be evidence of his increasing self-confidence on one hand and of the rise of the incompatibility of the aesthetic opinions of both famous writers on the other hand.

Key words:

M. Gorki; L. Andreev; correspondence; almanacs of the publishing house “Znanie”; aesthetic opinions; Russian literature of the beginning of the 20th century

«Теперь лицевая сторона жизни — литература. Успехи мои растут. В редакции „Курьера“ я *persona gratissima*. Вчера получил письмо от М. Горького. Приведу его дословно». Так записал и действительно воспроизвел письмо Максима Горького Леонид Андреев в своем дневнике в записи от 6-го апреля 1900 г. [ANDREJEV 2009, 208]. Максим Горький в этом письме, как известно, проявил интерес к начинающему писателю, дал ему несколько наставлений и попросил прислать рассказ «о ницшеанце»¹.

Так начинались отношения известного уже писателя М. Горького с начинающим и неуверенным в себе писателем Л. Андреевым — с полного доверия, с жадного, напряженного ожидания реакции Горького. Потом завязалась дружба, пошли первые публикации, Горький привлек Андреева к близкому сотрудничеству с издательством «Знание» и с кругом «знаньевцев». Во многом благодаря этому сотрудничеству Андреев стал известным писателем, сознание своего таланта и своих достижений как писателя которого четче определилось, который точнее стал понимать и ценить специфические черты своего дарования и своего мироощущения. Как раз это и стало причиной одной несостоявшейся возможности более тесного вовлечения Андреева в деятельность издательства «Знание», как показывает переписка обоих писателей в 1907-ом году, на которую мы хотели бы обратить внимание.

Когда Андреев гостил на Капри у М. Горького в начале 1907 года, пытаясь найти силу смириться со смертью своей первой жены Александры Михайловны, оба писателя в разговорах касались и деловых вопросов. Одной из тем, на которую они обратили внимание, были и литературно-художественные сборники «Знания», уровень которых они хотели повысить. Тогда возникла идея, что Андреев станет редактором этих сборников. Андреев о такой возможности сообщил в письме от 22-го января (4-го февраля) 1907 г. А. Серафимовичу: «С осени я переезжаю в СПб. и становлюсь редактором знаниевских „Сборников“. И Горький и Пятницкий, после продолжительных со мною разговоров, почувствовали, наконец, что дело неладно. И хочу я к работе привлечь всю компанию: тебя, Чирикова, Зайчика (Б. К. Зайцева) — сообща соорудить такие сборники, чтобы небу жарко стало! Будут у нас и собрания — и журфиксы, — в грязь лицом не ударим! ... В сборнике будут только шедевры»². По тому, как Андреев выражается в письме, понятно, что представление о повышении

1 Это был «Рассказ о Сергее Петровиче». На то, что Горький не ответил немедленно, реагирует Андреев уже в дневниковой записи от 14-го апреля 1900 г.: «Меня беспокоит молчание Горького по поводу «Сергея Петровича». Начинаю сомневаться в достоинствах рассказа». [ANDREJEV 2009, 210].

2 «Московский альманах», 1. Москва — Ленинград, 1926, с. 299. Цитируется по: [Gor'kij... 1965, 287].

художественного уровня сборников было скорее всего его идеей, в которой он убеждал своих собеседников. По-видимому, оба они, с одной стороны, согласились с тем, что художественный уровень можно поднять, но, возможно и вероятно, что определенную роль сыграл и факт, что такое новое назначение Андреева могло, по их мнению, помочь ему выйти из сложного психического состояния, в котором чувствительный и склонный к депрессии Андреев находился. Перспектива активной творческой работы, оживленных контактов, возможности влиять на характер сборников — все это могло восстановить его жизненную энергию.

О том, что Андреев стал серьезно задумываться над тем, как взяться за это дело, свидетельствует его письмо к Горькому от 22-го июля (4-го августа) 1907 года, в котором он, кроме информации о том, как себя чувствует и как живет, напоминает о том, что он не только не забыл о своем новом назначении, но и уже многое продумал. Кажется, над своей новой ролью он задумался не поверхностно и, по сути, как раз вовремя, ведь предполагалось, что он станет эффективно руководить сборниками и полностью займется их редактированием с осени, т. е. где-то с сентября-октября 1907 г.

С этим связан и факт, что информация о его роли в сборниках «Знания» стала известной, и авторы, сотрудничающие с издательством, стали обращаться к нему с деловыми вопросами и требованиями, которые он не сумел сам решить: «Очень мешает отсутствие Константина Петровича³. Некоторые просят аванса, и дать необходимо, а как я могу? И вообще получается какая-то неопределенность. «Шиповник» же действует энергично. Когда придет Константин Петрович?» [Gor'kij... 1965, 284].

Важнее, однако, другое, о чем Андреев пишет — это вопрос, связанный именно с содержанием сборников. В этом деле Андреев имеет довольно ясные представления, но чувствует себя в ответе за то, что сборники, кроме повышения их уровня, сохраняют и свою ориентацию, что они будут соответствовать не только его личным предпочтениям, но и «линии» издательства. Письмо содержит и информацию, связанную как раз с этими вопросами: «Нужно собирать материал для сборника, вообще начать редакторствовать. Нужно приглашать новых (на одних старых никуда не уедешь, жизнь уходит от них), а я и не знаю, насколько в этом случае я могу быть самостоятелен. По-моему, например, необходимо пригласить теперь же: Блока, Сологуба, Ауслендера, еще кой-кого. Как бы не вышло у нас недоразумений? Вообще, веришь ли ты, что я не подведу? Выбор материала будет у меня параллелен моей собственной работе: „буду помещать только то, что ведет к освобождению человека“. Точнее

3 Т. е. К. П. Пятницкого.

формулировать трудно, ибо все в конце концов дело такта и понимания. Так вот: как ты думаешь?» [Gor'kij... 1965, 284].

Андреев, видимо, чувствует определенные опасения, которые могли бы возникнуть в случае, если он станет действовать без согласия, или, как минимум, без ведома Горького, поэтому он обращается к нему с предложением («необходимо пригласить») и заодно с вопросом («как ты думаешь?»), причем напоминает о гуманистической линии сборников. Как раз с ней связано, кажется, самое большое опасение, касающееся прежде всего сохранения полного доверия к нему со стороны Горького («веришь ли ты, что я не подведу?»). Трудноразрешимая для него на данный момент триада требований, с которыми он подходит к редакторскому призванию, находит в данном письме яркое выражение.

Опасения Андреева оказались не напрасными, он предвидел, что разница в видении того, чьи тексты подходят для сборника, а чьи нет, может вести к недоразумениям. Горький отреагировал из Капри на его письмо почти непосредственно, придавая своему ответу таким способом достаточно высокую меру значения. В письме от 26-го ... 30-го июля (8-го ... 12-го августа) 1907 г. он в самом начале очень коротко сообщает, что формальные свои полномочия насчет авансов Андреев может решить с К. П. Пятницким, а потом приводит свои суждения о предлагаемых для сотрудничества писателях. Горький не ищет дипломатических выражений — свои отрицательные суждения он высказывает резко и сурово. Так, о Блоке он пишет: «Сей юноша, переделывающий на русский лад дурную половину Поля Верлена, за последнее время прямо-таки возмущает меня своей холодной манерностью, его маленький талант положительно иссякает под бременем философских потуг, обессиливающих этого самонадеянного и слишком жадного к славе мальчика с душой без штанов и без сердца. Нет, ты его оставь в покое года на три, может быть он подрастет за это время и научится говорить искренно о простых вещах — о том, что сейчас кажется ему изумительно премудрым и что уже сказано во Франции сильнее и красивее, чем это может сделать он». [Gor'kij... 1965, 287]. Еще более предосудительно смотрит Горький на Ф. Сологуба: «Старый кокет Сологуб, влюбленный в смерть, как лакеи влюбляются в барынь своих, и заигрывающий с нею всегда с тревожным ожиданием получить от нее щелчок по черепу; склонный к садизму Сологуб — фигура лишняя в сборниках „Знания“. Будь добр, не беспокой его ветхие дни и будь уверен, что он еще раз не напишет „Мелкого беса“, — единственную вещь, написанную им как литератором — с любовью, и, по-своему, красиво». [Gor'kij... 1965, 287–288]. Против С. Ауслендера Горький не имеет возражений, рекомендуя одновременно К. Сомова и уверяя Андреева, что: «Зайцев, Башкин, Муйжель, Ценский, Лансьер, Л. Семенов и еще некоторые из

недавних — вот, на мой взгляд, люди, с которыми ты мог бы сделать хорошие сборники». [*Gor'kij...* 1965, 287–288]. Этим он, однако, не заканчивает свою реакцию на предложения и вопросы Андреева, высказывая свои мысли по поводу идейного направления сборников. В его словах чувствуется совсем другое видение коренного идейного направления на «освобождение человека», которое Андреев делает основной идейной канвой сборников. Горький вторит ему: «Сборники „Знания“ — сборники литературы демократической и для демократии — только с ней и ее силою человек будет освобожден. Истинный, достойный человека индивидуализм, единственно способный освободить личность от зависимости и плена общества, государства, будет достигнут лишь через социализм, то есть через демократию. Ей-то и должны мы служить, вооружая ее нашей дерзостью думать обо всем без страха, говорить без боязни». [*Gor'kij...* 1965, 287–288]. Учитывая такое понимание «освобождения человека», Горький подытоживает и свои суждения по поводу творчества обоих Андреевым по именам выдвинутых писателей: «[...] этому „освобождению“ названные тобою люди — служить не в силах. Все это — старые рабы, люди, которые не могут не смешивать свободу с педерастией, например, для них „освобождение человека“ странным образом смешивается с перемещением его из одной помойной ямы в другую, а порою даже низводится к свободе члена и — только. [...] Указанные тобою Сологуб и Блок — боятся своего воображения, стоят на коленях пред своим страхом — куда уж им человека освобождать!» [*Gor'kij...* 1965, 287–288].

Скорость ответа и тщательное обоснование несогласия — свидетельство того, что М. Горький воспринял андреевские предложения как неприемлемые и реагировал на них довольно эмоционально. Его формулировки не свидетельствуют о том же тоне, каким характеризуется письмо Андреева. Если там — вопросы и тенденция к консультации, то в ответном письме встречается повелительное наклонение и резкие суждения, относящиеся к совсем другому ракурсу видения и идейного профиля сборников, и круга авторов, к которым надо обращаться с предложением сотрудничать. Примечательно и одно важное обстоятельство: Андреев обратился к Горькому с тремя вопросами, а ответ получил только на два. Наиболее важным для Андреева было уверение в том, что Горький ему полностью доверяет и что ему можно действовать довольно самостоятельно, т. е. что в рамках редакторской работы он сам может решать вопросы, связанные с тем, кого и что можно печатать, но такого уверения в письме не содержалось. Все это свидетельствует, кажется, о двух возможных причинах: первая заключалась в том, что дискуссии о сборниках и их редактировании на Капри проходили только на неконкретном, очень уж общем уровне, что крайне неправдоподобно — Андреев же писал

Серафимовичу, что его участие в редактировании сборников вытекает из продолжительных разговоров (а не из одного разговора!); вторая причина, более правдоподобная, была в том, как представлял себе сборники М. Горький и как можно было менять их по разговорам из Капри, ведь со времени разговоров кое-что изменилось. Трудно представить, что во время продолжительных разговоров ни Андреев, ни Горький не назвали бы конкретных писателей, чьи произведения смогли бы обогатить сборники или чьи просто печатать нельзя; крайне сомнительно то, что незатронутыми остались бы вопросы того основного пафоса, который подразумевается под направлением текстов сборника на «освобождение человека». Факт, что в письме Серафимовичу Андреев пишет о продолжительных разговорах, в том же письме приводятся конкретные имена писателей, о которых шла речь — все это наводит скорее на мысль о том, что оба писателя, задумываясь над конкретным выполнением их договора, почувствовали, что дело сложнее: с одной стороны (Андреев), нужна самостоятельность и правомочья в рамках полного доверия, а с другой стороны (Горький), убеждение, что существует опасность отхода от традиции, от идейного профиля, т. е. что сборники могут оказаться не такими, какими он их представлял и какими они были раньше. Во всяком случае, тут ощущается довольно твердая рекомендация Андрееву: придерживаться надо прежнего профиля сборников и по самостоятельному вкусу и усмотрению вне начерченного круга не действовать.

Если бы такую рекомендацию получил Андреев в 1900-ом году, он непременно бы стал ей придерживаться, считая это и дружеским советом, и инструкцией одновременно. Но в 1907-ом году он уже был признанным, любимым публикой автором, у которого сложилось представление и о мире, и о писательской работе, и о том, что укладывается в понятие «освобождение человека». Получив ответ Горького, Андреев, кажется, некоторое время тщательно обдумывал, как поступить, что и как ответить. Только 13-го августа (26-го августа), т. е. почти через две недели после того, когда до него дошло письмо Горького, Андреев отвечает. Его письмо длинно, обдуманно каждое предложение, каждое слово. Письмо начинается с пассажа об опасности нарушения хороших дружеских отношений между обоими писателями и об исключительно положительном отношении Андреева к адресату, в котором чувствуется и своего рода деликатная, завуалированная не только положительная оценка писательской деятельности Горького в данный период: «[...] быть может, среди всей русской пишущей братии, и не пишущей братии, один только я, твой друг и верный союзник, верно оцениваю твое положение, твой теперешний status. И то, что здесь считается твоим падением („социал-демократ, увлекается политикой и оттого талант падает“), один только я верно оцениваю

как новый подъем на новую огромную, небывалую высоту. И если теперешние писания твои не удаются тебе и еще долго не будут удаваться, то причина — в новизне и гениальности твоего нового, теперешнего, мироощущения, мирочувствования. [...] Все слова, как дешевая колбаса, начинены всякой дрянью, — как трудно, как невозможно построить из них то безгранично новое, совсем новое, что является сейчас душою твоею, перед чем самое тело твое и рука твоя и *мысль* твоя являются старыми». [*Gor'kij...* 1965, 289–290]. Только потом Андреев подходит к самой важной информации: «Дело же в том, что я отказываюсь вести сборники „Знания“, и причина в различном отношении нашем к писателям и более того — в различном отношении к самой задаче сборников». [*Gor'kij...* 1965, 290]. Соображая, что это может вызвать и недовольствие, и непонимание со стороны Горького, Андреев — опять по возможности деликатно — ищет аргументы, при помощи которых ему удалось бы передать поводы, из-за которых он считает невозможным стать редактором сборников: «В оценке Блока, Сологуба и прочих «декадентов» я в значительной степени, как ты знаешь, согласен с тобой. Расходясь с тобою (частью) в оценке их таланта (Блока, например, я считаю талантливым весьма), в одном, и самом главном, я подаю тебе руку: все они не демократичны. [...] их смутные поиски, порою барсколенивые, каких-то новых тончайших ощущений, их оторванность от массы, с ее проклятыми вопросами — все это делает их не демократами. И если бы я вздумал издавать журнал или книги для народа, для масс — они были бы последними, кого я мог бы пригласить». [*Gor'kij...* 1965, 290, 292].

Слова Андреева свидетельствуют о том, что он пытается учесть в своей аргументации два основных фактора, два приоритетных критерия, отстаиваемые Горьким: творческий метод и «демократичность», понимаемую Горьким как то, что приспособливается к «массе» и «поднимает», «освобождает» ее, что он выдвигает в качестве основной цели сборников. И сознающий свое место в русской литературе, Андреев продолжает: «Но в такой журнал я не пригласил бы и Андреева Леонида — ибо как он ни демократичен по существу своему, — по форме писаний, по темам своим, по направлению мысли он так же далек от народа, как и они. Разве демократичен „Елеазар“ или „Жизнь Человека“, или даже пресловутый «Красный смех»? Отнюдь». [*Gor'kij...* 1965, 292]. И, продолжая свою аргументацию, Андреев указывает на второй полюс, как раз противоположный приоритету его друга: «Но если принять другую задачу, ту, которую я хотел поставить и для сборников «Знания», то станет все по-другому. Задача же эта: свободная человеческая мысль, вечно пытающаяся, вечно ищущая, и как лучшее выражение ее — искусство, литература. С этой стороны и Блок и Сологуб и я сам приобретают иную ценность. Пусть плохо — но они ищут; пусть недостаточно мудро — но они мыслят; пусть они рабы — но рабы, которые

жаждут свободы. И литературу они любят, быть может, даже больше, чем мы, — ибо утверждают ее самоцельность, работают над нею неустанно, тормозят ее ежечасно». [Gor'kij... 1965, 292].

Аргументацию заканчивает Андреев ясно и твердо, как будто напоминая о беседах на Капри и о их результате, который, по его мнению, упущен: «И выходит отсюда, что редактировать сборники я не могу. Пригласить Блока, Сологуба и др., то есть тех, которые, по моему мнению, сейчас наиболее хорошо служат литературе мысли, я не могу; других я не вижу и не знаю. Оставить же сборники, какие они есть и только ставить марку, ты сам понимаешь, дело выходит ни к чему». [Gor'kij... 1965, 292]. Из приведенной цитаты вытекает, что Андреев по сути говорит, что ценностная шкала, по которой он судит о современной литературе, резко разошлась с ценностной шкалой Горького. Он одновременно приурочивает самого себя к тем писателям, которые «жаждут свободы», видимо, не только в своих произведениях, но и на деле, в том, как они поступают в повседневной жизни — и он, Андреев, не хочет быть ограничен в своих действиях в качестве редактора сборников. Как раз это вытекает из последующих строчек его письма: «Размышляя о своем редакторстве и редакторстве вообще, я пришел к выводу, что оно должно быть единоличным, а не коллективным, как думал раньше. Ибо редактировать, как и сочинять рассказы, нужно так, чтобы наиболее полно выражалась и в рассказах (своих или чужих) воплощалась твоя личность. И будь бы мы с тобою совершенно согласны, выходило бы так, что редактирую я один, или ты один, безразлично. А раз мы расходимся — нас будет двое, и будет ерунда». [Gor'kij... 1965, 292, 295].

Многое сказано Андреевым в этом письме: и об оценке творчества самого Горького, и о том, что Горький долго находится за границей, и о том, как он представляет себе сборники «Знания», и о современной ему литературе, и о конкретных авторах, и о том, что он ценит в литературе, и о том, кем он себя мнит. Но самое важное, что он не выражает при помощи слов — это факт, что он стал самоуверенным, что он и как личность, и как писатель не хочет и не может отречься от своей индивидуальной художественной тропинки, что не хочет и не может подчиниться «тенденции», «линии», с которой он не согласен. Хотя он не хочет разойтись с Горьким, он одновременно не хочет угождать его взглядам. Опасение, что Горький отреагирует резко, можно заметить в пассаже, который заканчивает тему редакторства сборников: «Не сердись на меня, Алексеюшка! Мне очень жаль, что так выходит, но ничего ведь не поделаешь. И разногласие наше, достаточное для того, чтобы я не мог редактировать сборниками, по существу не заходит глубоко и — для меня, по крайней мере, — нисколько не задевает и не колеблет нашей глубочайшей и крепчайшей внутренней связи. И если ты даже рассердишься на меня и скажешь пренебрежительно: „а ну его

к чёрту с его педерастами!⁶, я увижу в этом только коротенькое недоразумение, и больше ничего». [*Gor'kij...* 1965, 295].

Реакция Горького на отказ содержится в его письме Андрееву от 20-го ... 30-го августа (2-го ... 12-го сентября) 1907 г. На развитую аргументацию Андреева отвечает Горький сначала сжато, начиная с утверждения, что отказ редактировать сборники его не обидел. «Ведь, если ты вспомнишь, я не особенно горячо защищал необходимость для тебя занять позицию редактора и указывал, что тебя ожидает куча разных знакомств, потупляющее чтение рукописей — по пуду в неделю, не менее». [*Gor'kij...* 1965, 296]. Горький и убеждает Андреева в своей дружбе с ним: «А насчет сердитьбы и разных обид — брось раз навсегда. Сердиться — законно, но — не по пустякам. Я же тебя и люблю, и умею любоваться тобой, [...]» [*Gor'kij...* 1965, 298]. Сжато сформулировано и мнение Горького о том, каким способом хотел Андреев редактировать сборники: «Говоря серьезно, — о редакторстве, в том виде и смысле, как ты представлял себе, — не может быть речи». [*Gor'kij...* 1965, 296].

Горький потом приводит целый ряд своих впечатлений о русской литературе, как бы вторя Андрееву и показывая ему, насколько (не) ценит творчество конкретных писателей — Гиппиус, Кузмина, Блока, напоминая о том, что он понимает под настоящим демократизмом: «Для меня демократизм — вера в потенциальную творческую силу народной массы, являющейся — как вселенная — источником всех возможностей, способной создавать Толстых и Леонардо да Винчи, Эсхилов и Шекспиров». [*Gor'kij...* 1965, 298].

Кажется, эпизод с несостоявшимся редакторством сборников «Знания», не разлучил обоих друзей. Но он, по нашему мнению, очень ярко демонстрирует, насколько они уже в это время разошлись в своих взглядах и на общественную роль литературы, и на эстетические критерии, по которым оценивают художественные произведения. Отказ Андреева от редакторства также показал, насколько самостоятельным и самоуверенным, независимым от мнения М. Горького он стал в течение довольно короткого времени своей писательской карьеры. Андреев 1907-го года — это совсем другая личность, чем в 1900 году...

Библиография:

ANDREJEV, L. N. (2009): *Dnevnik. 1897–1901*. Moskva.

Gor'kij i Leonid Andrejev. Neizdannaja perepiska. (1965) Literaturnoje nasledstvo. T. 72.

Red. I. S. Zil'berštejn. Moskva.

About the author

Josef Dohnal, Masaryk University, Faculty of Arts, Department of Slavonic Studies, Brno, Czech Republic; University of Ss. Cyril and Methodius, Faculty of Arts, Department of Russian Studies, Trnava, Slovakia, josef-dohnal@volny.cz

Чеховская трагикомедия. Интерпретация «Трех сестер» в Городском театре Брно

Chekhov's Tragicomedy. To the Interpretation of *Three Sisters* in Brno City Theatre

Давид Кроча

(Брно, Чешская Республика)

Abstract:

The study deals with the Anton Pavlovich Chekhov's drama *Three Sisters* (1901) and its staging in Brno City Theatre. Since its premier on 30th May 2009 until its dernier on 20th September 2012, more than forty reprises took place, and the production became one of the most remarkable attempts at interpretation of the famous Russian drama in the Czech cultural space. Before the analysis, the study focuses on the Czech production, interpretation and translation tradition and specific features of the genre. The Brno staging, which works with the translation by Leoš Suchařípa, intentionally uses the term "Tragicomedy" as the play's subtitle. The director Stanislav Moša and his team is aware of the genre's specificity and considers its comedic nature without abandoning serious themes and situations. This characteristic feature is reflected, first, in the directorial-dramaturgic rendition of the staging, and second, in the work with the actors as well as with the textual template. The interpretation of the performance is very important for understanding the drama, too, since it shows Chekhov's *Three Sisters* not only as a real-life tragicomedy, but also as an up-to-date and timeless parable.

Key words:

Anton Pavlovich Chekhov; *Three Sisters*; Russian drama; interpretation; tragicomedy

Драма А. П. Чехова «Три сестры» впервые была поставлена 31 января 1901 г. в Московском художественном театре под руководством К. С. Станиславского, и именно в этой трактовке пьесу впервые увидели чешские зрители. Первое представление чеховского спектакля в Чехии, состоявшееся в 1907 г. на сцене Национального театра, положило начало традиции, которая длится до сих пор. Только в период с 1945 г. до наших дней пьеса, по данным пражского Театрального института, ставилась 69 раз. Данная статья будет посвящена спектаклю «Три сестры» в постановке С. Моши на сцене Городского театра Брно. С момента премьеры 30 мая 2009 г. до последнего представления 20 сентября 2012 г. пьеса была показана 41 раз и стала одной из самых ярких попыток адекватной интерпретации знаменитой русской драмы в чешском культурном пространстве.¹ Данный спектакль вошел, таким образом, в число оригинальных инсценировок последних лет. К таким представлениям можно отнести, например, соотнесенную с современностью постановку Я. Микулашека в Театре П. Безруча в Остраве (премьера 27 мая 2006 г., последний спектакль 19 июня 2008 г.) или сценическую интерпретацию В. Моравека в Театре В. К. Клицперы в Градец-Кралове (премьера 10 марта 2001 г., последний спектакль 19 октября 2003 г.). Данная постановка была создана в рамках проекта «Чехов — чехам». Этот проект, включающий три чеховских спектакля, стал победителем престижного конкурса газеты «Divadelní noviny» в номинации «Лучшая постановка 2003 г.».

Поэтика чеховских пьес расставляет для режиссеров множество ловушек. Не один из них попался в западню лиризма, считая, что драма настроений и снов требует меланхолической атмосферы, долгих пауз и сентиментальных вздохов. Несомненно, «Три сестры» представляют собой пьесу, где сюжет уходит на задний план. Акцент смещается на лирическую составляющую, при которой высказанные сны важнее реальности, а реплики героев кажутся случайными, не связанными друг с другом. Однако все это не означает, что диалоги персонажей должны быть перегружены длинными паузами, а зрители должны зевать от скуки. Напротив, продуманная композиция спектакля может создавать интригу, служить источником драматизма и напряженности.

Уже З. Горжинек подчеркивал, что структура чеховской пьесы построена на самоанализе, использующем внутренний поток текста: «Сюжет «Трех сестер» складывается не из событий. Главный драматический процесс — это то, что происходит внутри: неудовлетворенность главных персонажей тем, как они

1 Анализ основывается, во-первых, на посещении автором премьеры и двух повторных спектаклей за указанный период, во-вторых, на критическом осмыслении постановки [KROČA 2009] и, в-третьих, на записи пьесы на DVD, предоставленную театром для научных целей.

живут, и возникающее в результате этого желание новой, лучшей жизни» [HOŘÍNEK 1966, 22].

Хотя стремление к новой жизни, как лейтмотив, затрагивает всех персонажей, герои не могут реализовать его на практике, поэтому такое стремление становится лишь иллюзией. Зритель эту горькую правду осознает постепенно, так как эксплицитно она не сообщается. Данную черту авторской поэтики подметил В. Набоков, написавший, что А. П. Чехов специально придает огромное значение подтексту [NABOKOV 1996, 326]. Таким образом драматург умышленно отводит на задний план прямое значение высказываний и как бы сталкивает лицом к лицу зрителя с текстом инсценировки.

Начиная с первого чешского перевода Б. Прусика, изданного Ф. Шимачеком в Праге в 1907 г., и заканчивая последним, десятым, переводом Р. Ибрагима, опубликованным в 2013 г. издательством «Akropolis», в качестве подзаголовка к пьесе Чехова чаще всего указывалось «Драма в четырех действиях»². В постановке брненского театра, для которой был выбран перевод Л. Сухаржицы, намеренно приводится подзаголовок «Трагикомедия», комментируемый драматургом Й. Завишем в театральной программе. Он указывает, что А. П. Чехов, будучи ироником и противником сентиментальности, не смог смириться с тем, что К. С. Станиславский интерпретировал его пьесу как «тяжелую драму русской жизни». Й. Завиш приводит точку зрения Станиславского, что Чехов не понимал собственные пьесы, но при этом добавляет: «Сегодня, наоборот, мы считаем, что это Станиславский не понимал Чехова. А мог ли он вообще его полностью понять? Чехов осознал, что правда зависит от угла зрения, под которым мы наблюдаем за вещами. И как беспристрастный ироник он рассматривает события с нескольких сторон одновременно, а которая из них правильная, этого мы знать не можем» [ZÁVIŠ 2009, 25].

Труппа Городского театра Брно во главе с режиссером С. Мошей осознавала жанровую двусмысленность пьесы, когда пыталась воскресить ее комедийный уровень, не отказываясь при этом от серьезности тем и ситуаций. С самого начала первого акта становится ясно, что атмосфера и эмоции будут непрерывно меняться. В живописной гостиной Прозоровых, излишне украшенной цветами, обращает на себя внимание сияющая от счастья Ирина. В белом платье, прекрасно на ней сидящем, она энергично ходит по просторному белому холлу, в котором переносит вазы с цветами с места на место, словно все еще не довольная убранством. Первой, однако, неожиданно заговаривает самая старшая сестра Ольга, которая монотонным учительским голосом резюмирует

2 Драму на чешский язык также перевели П. Папачек, В. Червинка, К. М. Скоумал, Л. Фикар, Й. Тополь в соавторстве с К. Краусом, а также Я. Лекса и Я. Клусакова.

события, предшествующие основному сюжету. Прошел ровно год со дня смерти отца, Ольга вспоминает обстоятельства похорон, дождливую погоду, скорбь Ирины. В одной короткой сцене сгущается амбивалентность поэтики А. П. Чехова, двойственность мира, в котором мы смеемся, но уже через мгновение впадаем в отчаяние.

В двойном свете показываются все ключевые ситуации драмы. Чем смешнее изначально неуклюжесть, с которой капитан Соленый ищет благосклонности Ирины, тем трагичнее отношения девушки с бароном Тузенбахом, который покидает армию из-за помолвки, однако погибает в бессмысленной дуэли. История средней сестры Маши начинается как эпизод из любовного романа, но игривая привязанность к подполковнику Вершинину оказывается временным выходом из душевной пустоты, которую для героини представляет брак с нелюбимым мужем — учителем гимназии Кулыгиным. Контрастность ситуации усиливает судьба безумно влюбленного брата Андрея. Его избранница Наташа в первый визит в семью вызывает улыбку своим безвкусным внешним видом и нервозностью, но ее уверенность в себе постепенно растет, пока, наконец, уже будучи женой Андрея, она не берет под свой контроль дом Прозоровых и его порядки.

Чеховские герои действительно достойны как насмешек, так и сожаления, о чем режиссер упоминает в театральной программе, в которой написано: «Одна идея предопределяет следующую: персонажи в своей уникальности ведут себя вполне естественно, хотя в целом все комически-гротесково и трагично, как и в нашей жизни, жизни наших предшественников и наших преемников [...] Я удалил около двадцати слов из всей пьесы. Как я уже говорил, в драме все соответствует друг другу, нет ничего лишнего» [MOŠA 2009, 13].

Оставляя в стороне новаторство подзаголовка³, можно сказать, что режиссеры брненского театра действительно строго придерживаются текста. В этом им помогает прекрасный перевод Л. Сухаржипы, который избавил драму А. П. Чехова от устаревших и якобы поэтических выражений, которые обнаруживаются в ряде предыдущих чешских переводов. Текст Л. Сухаржипы, напротив, динамичен, в нем широко используются различные пласты современного чешского языка, в том числе сочные грубые выражения. Помимо языковых характеристик, он подчеркивает еще и дополнительные лексические значения, которые особо проявляются при чередовании разных смысловых уровней. Например, вступительная грустная речь, во время которой Ольга

3 В упомянутых выше постановках, которые также основываются на переводе Л. Сухаржипы, используются новые, уточняющие подзаголовки: у спектакля в Градец-Кралове был подзаголовок «Комедия в провинциальном городе», инсценировка в Театре П. Безруча в Остраве была поставлена с подзаголовком «Трагикомическая борьба жизненной реальности и мечты».

вспоминает свою молодость в Москве, заканчивается выражением желания вернуться. В ностальгическую речь неожиданно вклинивается военный доктор Чебутыкин, который в тот момент разговаривал с Тузенбахом в другой части сцены:

OLGA: [...] Dneska ráno jsem se probudila, viděla jsem tolik světla, viděla jsem, že jaro je tady, a zmocnila se mě taková radost, strašně se mi zachtělo zpátky domů.

ČEBUTYKIN: Až naprší a uschne! [ČECHOV 2009, 125].

ОЛЬГА: [...] Сегодня утром проснулась, увидела массу света, увидела весну, и радость заволновалась в моей душе, захотелось на родину страстно.

ЧЕБУТЫКИН: Черта с два! [ČECHOV *Tri sestry*].

Реплика Чебутыкина, произнесенная в контексте другого разговора, также может трактоваться в переводе Л. Сухаржицы как предвосхищение безысходности и тщетности, поскольку возвращение в Москву останется нереализованной мечтой до конца пьесы.

Если же режиссер С. Моша допускает, чтобы некоторые значимые сцены (в том числе и та, в начале пьесы) невольно произвели эффект отчужденности, заложенной в самой композиции А. П. Чехова, то часто двусмысленность реплик подкрепляется напряжением или даже драматизмом. Примером такого приема может служить разговор Маши с Кулыгиным в третьем действии. Уставший муж требует от Маши благосклонности и открыто признается ей в любви при Ирине. Однако Маша думает только о Вершинине и явно расстроена словами мужа о счастливой семейной жизни:

MÁŠA: Mám toho po krk, mám toho po krk, mám toho po krk. [...] Mluvím o Andrejovi... Zastavil v bance tenhle dům a všechny peníze shrábla jeho žena... [ČECHOV 2009, 160]

МАША: Надоело, надоело, надоело... [...] Я про Андрея... Заложил он этот дом в банке, и все деньги забрала его жена... [ČECHOV *Tri sestry*].

В начале своей реплики Маша повторяет фразу, которая в чешском переводе обозначает отвращение: в данном случае отвращение к браку. Ее восклицание производит впечатление, что она решила раскрыть карты и идти наперекор всему. Во время ее реплики подбегает Ирина, дергает ее за рукав и, бросив многозначительный взгляд, дает знак замолчать. Маша замолкает, но преподносит

свою речь как высказывания о несчастном Андрее. Вторая половина Машиной реплики обретает новый смысл, свободно переходит в другой содержательный контекст. Семантический коллаж — одна из характерных черт чеховской драмы, которая акцентируется в переводе Л. Сухаржипы и удачно воплощается в жизнь благодаря режиссуре С. Моши.

Еще один элемент поэтики А. П. Чехова, который в брненской постановке стал сценическим символом, — принцип повторения. Звук тикающих часов многократно повторяется (лишь в начале пьесы его заменяет стук метронома), что напоминает нам о потраченном впустую времени, а также о чувстве скуки и стереотипности быта. Особенно зловещим данный простой прием оказывается в конце второго действия, когда Ирина под звуки мрачного тиканья произносит свой тоскливый лейтмотив: «В Москву!» [ČECHOV *Tri sestry*]. На юмористическом уровне режиссер обыгрывает повторяющиеся философские рассуждения Вершинина. Прежде чем военачальник произносит свои мечтательные речи, он кладет тыльную сторону ладони на лоб, что для всех остальных является безошибочным сигналом, что они должны соблюдать дисциплину. С комически религиозным вниманием они сидят в креслах и слушают очередной монолог Вершина о том, что их ждет «через двести, триста лет». Именно в таких ситуациях режиссер пытается извлечь комизм и из того простого факта, что с момента создания «Трех сестер» прошло более ста лет. Таким образом, он может позволить себе показать видения Вершинина о будущем как полную чушь, потому что зритель, в отличие от А. П. Чехова и главных героев его пьесы, уже знает, с чем русский народ столкнется в течение этого века.

Выбранная трагикомическая концепция предполагает, что в персонажах должна отражаться амбивалентность характеров, которые колеблются между полюсами ностальгических искателей счастья и фарсовых клоунов. Образ Кулыгина (М. Немец / M. Němec) в этом смысле весьма показателен. Социально неуклюжий профессор, кажется, притягивает конфузы, как магнит: когда гости Прозоровых преждевременно покидают маскарад, он единственный появляется в безвкусной маске зайца; после того, как Маша душераздирающе прощается с навсегда уходящим Вершининым, он надевает фальшивую бороду, отобранную им в классе, и пытается поднять настроение компании. За масками, кажущимися поверхностными, заметен трагизм персонажа, поскольку Кулыгин, естественно, знает, что он смешон и нелеп и что жена ему изменяет.

Особого внимания заслуживает интерпретация центральных героев пьесы. Ирина (С. Словакова / S. Slováková), наверное, больше всех соответствует чеховскому конфликту мечтаний с повседневной реальностью. Это детально

прописанный характер, который снабжен несколькими четко выделенными установками. Вначале мы видим энергичную девушку, мечтающую о лучшей жизни, символом которой для нее становится долгожданное возвращение в Москву.

В своем последнем диалоге с Тузенбахом это очаровательное создание показывает, что способно жестоко ранить: она говорит барону прямо в глаза, что не любит его. В конце Ирина убита горем, сломлена, когда после известия о результате дуэли она бьется в тревожных судорогах на полу, а сестры сочувственно держат ее за руки. Маша (И. Ванькова / I. Vaňková) не только страстная любовница, но также легко ранимая жена и, наконец, что не менее важно, сочувствующая сестра, которая сопереживает проблемам своих братьев и сестер. Старшую из сестер — Ольгу — играет М. Седлачкова (M. Sedláčková), представляя ее не только как старую деву и учительницу, но и как женщину, которая от природы мечтает о спутнике жизни. О ее желаниях и мечтах мы узнаем лишь по намекам, когда она хотя бы на мгновение снимает тщательно оберегаемую маску держащей себя в руках учительницы гимназии.

Неоднозначная фигура в брненской постановке — Андрей Прозоров (М. Истеник / M. Isteník), испытывающий противоречие между чистой любовью к идеалистическим сестрам и любовным помешательством на Наташе. Амбициозный интеллектуал после рокового брака с целеустремленной фурией превращается в забитого чиновника, который растрчивает свою жизнь на карты и тонет в долгах. Сильный момент брненской постановки представляет собой сцена, в которой Андрей пламенно защищает свою жену перед сестрами, называет ее честной и порядочной женщиной. Но тут же со слезами на глазах заявляет обратное и просит сестер не верить ему. К концу пьесы персонаж Андрея становится просто комической карикатурой, которая вызывает улыбку, застывающую на губах. Андрей быстро толкает коляску и тщетно ищет место на сцене, где бы он мог спрятаться от жены и от любопытных взглядов окружающих.

В конце постановки ключевые персонажи драмы встречаются на сцене, которая тщательно составлена и напоминает статичную картину, как на старой фотографии. Маша повторяет, что «надо жить», Ирина напоминает себе, что «надо работать» и посвятить свою жизнь нуждающимся, Ольга продолжает размышлять о том, что, возможно, однажды мы поймем смысл жизни. Противоречия между реальностью и фантазиями в этот момент усиливаются благодаря незаметной до тех пор сценической музыке З. Мерты. В то время как монотонный рокот военных барабанов сопровождается ностальгическими звуками колокольчиков, сестры, кажется, слышат что-то еще, так как они говорят, что музыка играет весело и бодро.

Это противоречивое восприятие ситуации метафорично, поскольку сестры слышат веселую музыку, потому что хотят ее слышать, точно так же, как они верят в свои мечты и идеалы, потому что хотят в них верить. Пьеса А. П. Чехова не предлагает окончательного решения и, в конце концов, приносит героям, возможно, еще большее страдание, чем вначале. Напряжение сохраняется, и мы подозреваем, что это касается не только персонажей на сцене.

Знаменитая пьеса А. П. Чехова представляла собой впечатляющее театральное зрелище в Городском театре Брно, неприукрашенная трактовка пьесы могла показаться консерваторам кощунством. Однако нелепость персонажей на сцене была не целью, а средством показать, что история пассивных мечтателей, размышляющих о счастливом будущем, актуальна и сегодня. Брненские авторы иногда намеренно подавляли меланхолические мотивы оригинала, а нередко и типичную чеховскую атмосферу, в том числе «скудную повседневную жизнь», к которой мы привыкли в постановках на чешских сценах. Однако новаторское прочтение не обошло стороной трагические мотивы подлинника, а лишь обрамило их комическими сценами, которые, возможно, больше соответствовали тексту, чем кажется на первый взгляд. В результате постановка предложила зрителям уравновешенную порцию горьких и гротескных ситуаций, пьеса «Три сестры» А. П. Чехова интерпретировалась не только как подлинная трагикомедия, но, прежде всего, как вневременная зарисовка.

Библиография:

- ČECHOV, A. P. (1978): *Polnoje sobranije sočiněnij v tridcati tomach. Tom 13. Pjesy 1895–1904*. Moskva.
- ČECHOV, A. P.: *Tri sestry*. <www.culture.ru/books/287/tri-sestry/read>. [online]. [cit. 18. 1. 2021].
- ČECHOV, A. P. (2009): *Tři sestry. Tragikomedie*. Přeložil Leoš Suchařípa. In: ZÁVIŠ, J. (red.): *Tři sestry*. Program Městského divadla v Brně. Brno, s. 121–176.
- ČECHOV, A. P. (2013): *Tři sestry. Drama o čtyřech dějstvích*. Přeložil Robert Ibrahim. Praha.
- HOŘÍNEK, Z. (1966): *Divadlo bez děje?* Divadlo 17, 1966, № 3, č. 11, s. 21–27.
- KROČA, D. (2009): *Čechov lehce stravitelný*. In: ŠOTKOVSKÝ, J. (red.): *Městské divadlo Brno 2008–2009*. Brno, s. 136–139.
- MOŠA, S. (2009): *Pan doktor Čechov. Slovo režiséra*. In: ZÁVIŠ, J. (red.): *Tři sestry*. Program Městského divadla v Brně. Brno, s. 13–16.

NABOKOV, V. (1996): *Lekcii po russoj literature*. Moskva.

ZÁVIŠ, J. (red.) (2009): *Tři sestry. Program Městského divadla v Brně*. Brno.

About the author

David Kroča, Masaryk University, Faculty of Education, Department of Czech Language and Literature, Brno, Czech Republic, kroca@ped.muni.cz

Na margo románu *Mistr a Markétka* (Text ako záhada, šifra, odkaz doby?)

On the Margin of the Novel *Master and Margarita* (Text as Mystery, Cipher, Message of Epoch)

На полях романа «*Мастер и Маргарита*»: текст как тайна, шифр, послание эпохи?

Natália Muránska
(Nitra, Slovenská republika)

Abstract:

The paper deals with the novel *Master and Margarita* by M. Bulgakov from three aspects: 1) provides the basic information of publication of the censored version in the USSR; 2) discusses possible interpretations—from vulgar-sociological (A. Barkov) to esoteric (O. Kandaurov); 3) raises the question of the Czech translations by A. Morávková (2016) and L. Dvořák (2013). At the end, a brief reconstruction of space-time structure of the novel is given.

Key words:

Master and Margarita; genesis of the novel; interpretations; Czech translations; chronotope

Абстракт:

В статье рассматривается роман «*Мастер и Маргарита*» с трех точек зрения: 1) приводится основная информация об изданиях романа в СССР и цензурных купюрах; 2) обсуждаются возможные его интерпретации — от вульгарно-социологических (А. Барков) до эзотерических (О. Кандауров); 3) поднимается вопрос о чешских вариантах романа переводчиков А. Моравковой (2016) и Л. Дворжака (2013). В конце дается краткая реконструкция пространственно-временной структуры романа.

Ключевые слова:

Мастер и Маргарита; редакции романа; интерпретация; чешские переводы; хронотоп

Ako vznikol román *Mistr a Markétka*¹ a praktiky stalinskej éry

Rusko v 20. storočí prešlo kataklizmatickými zmenami, ktoré sa v rôznych dobách a rôznymi optikami hodnotia veľmi rozporuplne. Taká bola aj ruská, resp. sovietska literatúra tohto storočia. Vznikali schematické diela na základe politických požiadaviek, ale sú tu aj diela univerzálneho, nadčasového charakteru.

Romány ako *Doktor Živago* (B. Pasternak), *Peterburg* (A. Belyj), *My* (J. Zamiatin), *Život a osud* (V. Grossman), *Jeden deň Ivana Denisoviča* (A. Solženicyn) a mnohé ďalšie patria medzi najčítanejšie ruské prózy vôbec. Osobitné miesto medzi nimi patrí Michailovi Bulgakovovi a jeho románu *Mistr a Markétka*.

M. Bulgakov (1891 – 1940) sa narodil v Kyjeve, mal vynikajúce gymnaziálne a univerzitné vzdelanie. Bol síce povoláním lekár, ale od roku 1921 sa venoval len literatúre – presťahoval sa do Moskvy, postupom času si získal renomé ako dramatik a dramaturg. Jeho divadelnú hru *Dni Turbinových* (na motívy románu *Biela Garda*) sám Stalin videl viac než 15-krát. [*Bulgakovskaja...* 2021; SARNOV 2009] Svoje vrcholné a posledné dielo – román *Mistr a Markétka* dopísal, lepšie povedané dodiktoval, svojej manželke Jelene Sergejevne, ležiac slepý a smrteľne chorý (dedičné ochorenie ľadvín). Čo ho nútilo pracovať? Pravdepodobne to boli dva momenty – jeho vlastnými slovami: „Dopísať skôr, než zomrieť“. [*Bulgakovskaja...* 2021]

M. Bulgakov začal písať svoj román v čase, keď sa pred ním spustili takmer všetky opony sovietskych divadiel a zatvorili sa takmer všetky redakcie časopisov a vydavateľstiev. Jeho divadelná hra *Zojkin byt* (1926) bol stiahnutá z repertoáru po 128. uvedení a sám Bulgakov bol označený ako zarytý reakcionár. Bulgakov sa utiahol do súkromia a začal koncipovať dielo pod názvom *Fantastický román, Čierny mág, Inžinierove kopyto, Žonglér s kopytom, Pohostinné vystúpenie pána Wolanda* (prvé redakcie z rokov 1928, 1929), *Čiapka s perom, Čierny bohoslovec, Zjavil sa, Cudzincove kopyto* (druhá redakcia z rokov 1931 – 1933) a *Knieža tmy* (tretia redakcia z rokov 1936 – 1937). Až v roku 1937 dostal román definitívny názov – *Mistr a Markétka*. [LOSEV 2006; *Bulgakovskaja...* 2021]

Čím boli motivované toľké zmeny pri hľadaní konečného názvu románu? Pôsobili tu viaceré príčiny – vnútorné – vyplývajúce asi z toho, ktorá postava či sujetová línia sa začala markantnejšie vyvíjať, ale boli tu aj príčiny vonkajšie – strach, obavy, Bulgakovove vnútorné senzory, ktoré zachytávali vývin socialistického Ruska. Keď v roku 1929 prečítal Bulgakov úryvky románu svojim priateľom z vydavateľstva Nedra, tí sa jednoznačne vyjadrili, že v takejto podobe cenzúra román nepustí. Bulgakov svoj rukopis 18. marca 1930 spálil. [SOKOLOV 2005, 459] Poslednú redakciu románu Bulgakov čítal známym začiatkom roku 1939 a tí sa vyjadrili o románe ako o absolútne

1 Tu aj ďalej mená postáv románu, názvy kapitol a citácie (ak nie je uvedené inak) uvádzame v súlade s českým prekladom románu [BULGAKOV 2016].

unikátnom diele, ale redaktor časopisu Nedra N. S. Angarskij napísal: „Toto sa uverejniť nedá“. [*Bulgakovskaja...* 2021]

Ako vidieť, román *Mistr a Markétka* má viacero redakcií, viacero podôb. V roku 2006 významný znalec diela Bulgakova V.I. Losev vydal monumentálne dielo, ktoré obsahuje 9 redakcií románu s odborným výkladom. Na vyše 1000 stranách predstavuje všetky dochované varianty románu, pričom každý jeden text sa odlišuje od predchádzajúceho, jednotlivé situácie i postavy sa postupne kryštalizujú do svojej finálnej podoby. [LOSEV 2006]

Bulgakov písal román 12 rokov, zápasil tak s vonkajšou ako aj vnútornou cenzúrou, ale vydania románu sa aj tak nedočkal. Zomrel v roku 1940 a román bol v Sovietskom zväze prvýkrát publikovaný v časopise Moskva, roku 1966, č. 11 s pokračovaním v roku 1967, č. 1.

Bola to doba, ktorá sa hrala na humánný socializmus (preto román vyšiel), ale zároveň potláčala všetko, čo by tomuto socializmu mohlo uškodiť. Preto bolo vydanie *Mistra a Markétky* silne poznačené cenzúrou. O tri roky neskôr (1969) román vydali aj vo Frankfurte nad Mohanom vo vydavateľstve Posev, ktoré tieto zásahy (našťastie) nerešpektovalo. [BULGAKOV 1969]

Čo prekážalo mocným tej doby najviac? Pozrime sa, čo cenzúra vyčiarkla z prvej publikácie románu.

Pretože román *Mistr a Markétka* je román aj o Dobre, ktoré bolo ukrižované a Zle, ktoré malo moc, mnohé jeho čiastkové, ale aj väčšie celky vytvárali asociácie s dobrom a zlom (sovietskej) reality. Preto boli z textu odstránené jednotlivé slová, výrazy, vety, odseky, ale aj väčšie sujetové celky, ktoré takéto asociácie ponúkali.

Človek obdobia socializmu nemal mať rád blížneho svojho, podriadený nemal čo kritizovať svojho nadriadeného, duchovnosť nemala priestor, a preto cenzúrou neprešli napr. pasáže, keď Pilát vyčíta Kajfášovi „[...] uslyšíš hořký pláč a nářek, vzpomeneš si na zachráněného Bar-Rabbana a budeš litovat, **žes poslal na smrt filozofa, který hlásal mír!**“ [BULGAKOV 2016, 37] Kajfáš zase kritizuje všemohúceho prokurátora Ríma, „**Prokurátore, věříš sám tomu, co říkáš? Nikoli, nevěříš!... nepřinesl do Jeruzaléma mír** (zvýr. NM), a ty, jezďce, to dobře víš... Slyšíš?“ [BULGAKOV 2016, 38]

Ďalej boli vyčiarknuté celé odseky, pretože vznikali asociácie s praktikami sovietskeho režimu (vyhnanstvo inteligencie do gulagov a osočovanie vládnucej špičky).

Citujeme: „Jednoho svátečního dne se objevil v bytě milicionář, vyvolal do předsíně druhého nájemníka (jeho jméno se mi vytratilo z paměti) a prohlásil, že se **má dostavit na milici, aby něco podepsal, a že to nebude dlouho trvat.** Podnájemník nařídil Anfise, oddané a dlouholeté služebné Anny Francevny, aby každému, kdo bude volat, řekla, že se vrátí za deset minut, a odešel s korektním milicionářem v bílých rukavicích.

Ale **nevrátil se za deset minut ani později**. Nejpodivnější bylo, že spolu s ním zřejmě **zmizel i milicionář** (zvýr. NM).“ [BULGAKOV 2016, 82]

Táto pasáž bola v ruskej sovietskej verzii z pochopiteľných dôvodov vyčiarknutá – takto nejako sa likvidovali v ZSSR „nepriatelia ľudu“. Iným spôsobom sa likvidovala neuvedomelá inteligencia i spisovatelia. Jeden z nich, Majster, napísal román o Pilátovi a zanesol ho do redakcie. Napriek tomu, že román nebol uverejnený, v tlači sa objavili recenzie, úvahy, pamflety, ktoré odhaľovali tajných obdivovateľov Ježiša Krista.

„Nezapomňte, že výpady v tisku neustávaly. Prvním jsem se **smál**. Ale jak jich postupně přibývalo, měnil se výrazně i můj vztah k nim. Druhé stadium bych charakterizoval jako **stadium údivu**. Doslova z každého řádku čpělo neuvěřitelné pokrytectví a zvláštní nejistota, přes jejich výhrůžný a suverénní tón. Připadalo mi – a nemohl jsem se toho dojmu zbavit –, že autoři nevyjadřují své mínění, a to právě v nich vyvolává zuřivost. Později nastoupilo třetí stadium – **stadium strachu**. Rozumějte ne že bych se podobných článků bál, ale začal jsem mít obavy z jiných věcí, které s nimi ani s mým románem nijak nesouvisely. Kupříkladu jsem se začal **bát tmy**: prostě **psychická porucha** (zvýr. NM). Zdálo se mi, zejména když jsem usínal, že nezvykle mrštná a studená chobotnice sahá chapadly po mém srdci. Od té doby jsem na noc nezhasínal.“ [BULGAKOV 2016, 149]

Celá táto situácia (14 riadkov textu) bola vyčiarknutá. A ďalej: po kapitole *Gala ples u Satana* nasleduje kapitola *Ťnos Mistra*. Z 28 strán textu cenzúra vyškrtila 185 riadkov (opisy čertov a čertíkov, t. j. mystizujúce reálie „nevhodné“ pre sovietskeho občana). Ale boli medzi nimi aj Bulgakovove pocity: „**Nemám už žádná přání ani inspiraci**,“ odpovedel Mistr, „nic z okolního světa mě nezajímá, jen ona,“ a znovu položil Markétke ruku na hlavu, „**zlomili mě**, je mi smutno a **chci zpátky do sklepa** (zvýr. NM).“ [BULGAKOV 2016, 295]

Tak nejako končili v totalitných dobách mnohí – zlomení, či „ve sklepe“, či v kotolni.

Interpretačné sondy, možnosti a úskalia

Po prečítaní románu obvykle vzniká u čitateľov chaos a obrovské množstvo otázok. Skutočne je to tak. O románe *Mistr a Markétka* existujú stovky kníh – autoritatívnych i škandalózných, obdivných i zatracujúcich. Pozrime sa, ako je vnímaný román ako celok.

Bulgakovov román možno chápať ako fantastický text, ktorý odhaľuje nezmyselné v zmysluplnom (P. Abraham), resp. ako menipeju (A. Vulis), ktorá spája fantastiku a avantúru, aby vo výnimočných situáciách odhalila ich nezmyselnosť (M. Bachtin). Tento román vyvolal nesmierne množstvo interpretácií tradičného charakteru – je to satira (tvrdili anglickí, americkí a sovietski autori), je to fantastika (oponovali Nemci), je to historická groteska (Angličania a Američania). Dielo moderného vedeckého

myslenia sa často interpretovalo z hľadiska klasickej literárnej vedy – máme pred sebou román umeleckého eklekticizmu (klasický názor), resp. syntetizmu (moderný názor), ktoré vyrastá na všeludskom duchovnom a estetickom bohatstve (tvrdia intertextualisti) a modeluje štruktúru umeleckého univerzalizmu. Jeho postavy sú geneticky napojené na celé dejiny ľudstva a kresťanstva, na genotyp všetkého živého, aby v novotypovej podobe prezentovali individuálne ako všeobecné, individuálneho človeka ako symbol všetkého antropologického. [MURÁNSKA 2005, 4] Na jednej strane – je to svetový unikát, dielo nového umeleckého myslenia ľudstva dvadsiateho storočia, krutou obžalobou sociálnej reality porevolučného Ruska. Na strane druhej – román *Mistr a Markétka* je hlbokou analýzou duchovnej, kresťanskej drámy ľudstva 20. rokov nášho letopočtu a 20. rokov 20. storočia resp. je to diablovo evanjelium, ktoré idealizuje zlo (satana, Wolanda) na úkor deformácie kresťanstva (deformovaný obraz Ježiša v postave Ha-Nocri), ba čo viac, román podáva skreslený obraz Judey zo začiatku nášho letopočtu. [MURÁNSKA 2005, 5] Do tejto situácie protichodného myslenia (predvedomia i vedomia) prichádzajú aj extrémne pohľady na román – a to vulgárno-sociologizujúci pohľad A. Barkova [BARKOV 2006] a pre-ezoterizovaný O. Kandaurova [KANDAUROV 2002]. Interpretácia Barkova redukuje bulgakovovský text na dobové reálie: Mistr a Markétka sú Maxim Gorkij a jeho konkubína, agentka NKVD a špiónka Maria Andrejevová, Woland je Lenin a všetko je to o sovietskej totalitnej dobe.

O. Kandaurov nastolil inú optiku, svoje – teozofické, sakrálnne, ezoterické ponímanie románu a je presvedčený o správnosti svojej interpretácie románu.

Pozrime sa bližšie. Otari Kandaurov píše: „Bulgakov sa pohybuje v závrtných výšiniach pri ezoterickom kódovaní textov“. [KANDAUROV 2002, 8] Toto tvrdenie sa pokúša dokázať. Keď démonický hrdina Azazello presvedčí Markétku, aby prijala pozvanie na gala ples u satana, vyvalí sa na lavičke, na ktorej je napísané „Ňura“ [BULGAKOV 2016, 233], čo podľa neho znamená: „ňu“ – pobeľica a „Ra“ – egyptský boh Slnka. Boh Ra sa v diele mihne niekoľkokrát v ruskom slove „pora“ («Попа, попа» / „Je čas! Je čas“ – o. i. názov kapitoly v románe). Woland sa legitimuje Berliozovi, ale potom svoje doklady rýchlo zasunie „в карман“. Ezoterik v tom vidí osud – karmu. Pri preklade sa však ruské „карман“ mení na „kapsu“ [BULGAKOV 2016, 19], „karma“ sa stráca. Meno Berlioz treba vraj dešifrovať ako BEzReLlgiOZ (Bezbožník).

Rozprávač románu sa pýta na dôvody, pre ktoré mladá a krásna Markétka opustila mladého a milujúceho manžela a spojila svoj život so starším a spoločensky odhodným umelcom: „Co chybělo té malounko šikmooké čarodějce, která se tenkrát na jaře ozdabila mimózami?“ [BULGAKOV 2016, 222] V slove MIMóza Kandaurov vidí anagram „mím“, ale aj MiM, Mistr a Markétka (Master i Margarita). Ruské **МiM** môžeme obrátiť „hore nohami“ a vznikne nám **WиW**, čo treba chápať ako celistvosť sveta zašifrovanú v samotnom názve románu – *Master i Margarita*, Woland a jeho suita,

t. j. čo je hore, je i dole, čo je vľavo, to je i vpravo – absolútna zrkadlovitosť, spojenie reálneho a infernálneho sveta, dobra a zla, svetla a tieňa, ktoré nemôžu existovať jeden bez druhého. Bez dekódovania symbolov nemôže existovať ani interpretácia, ani kreácia žiadneho inojazyčného kódu románu *Mistr a Markétka*, tvrdí autor astrálnej koncepcie románu.

Ak by tomu tak bolo, prekladatelia románu *Mistr a Markétka* do cudzích jazykov by sa ocitli absolútne v slepej uličke.

Niekoľko slov o českých prekladoch

Michail Bulgakov bol autor tabuizovaný, v ZSSR bolo vydávanie jeho diel mimoriadne problematické. Spomeňme len novelu *Psie srdce*, ktorá bola napísaná v roku 1925, ale pri obhliadke Bulgakovovho bytu bol rukopis zhabaný a uložený do trezoru až do roku 1987 (dovtedy sa rukopis šíril jedine samizdatom).

Český čitateľ² má k dispozícii preklad prakticky celej tvorby Michaila Bulgakova. Vďaka skúsenej prekladateľke (a v neposlednom rade aj jej kontaktom) Alene Morávkovej, ktorú skutočne možno nazvať spriaznenou dušou Michaila Bulgakova, sa mnohé texty dostali k svojmu českému čitateľovi veľmi skoro, niektoré aj skôr ako v ZSSR. A. Morávková vynikajúco pozná Bulgakova, cíti jeho štýl, jazyk, chápe zmysel napísaného a rešpektuje Bulgakova ako človeka i spisovateľa. Jej preklady v maximálnej možnej miere zachovávajú podstatu i atmosféru bulgakovovských textov. Preložila v podstate celú tvorbu Bulgakova i obsahlu Bulgakovovu korešpondenciu s manželkou (ktorú, mimochodom, osobne poznala), je autorkou biografie *Křížová cesta M. Bulgakova* (1995), pričom román *Mistr a Markétka* v jej preklade vyšiel v niekoľkých reedíciách.

Román *Mistr a Markétka* má ešte dve české podoby: *Mistr a Markétka. Grafický román*, ktorý z anglického originálu preložil Viktor Janiš. [BULGAKOV 2009] Tento „komiksový“ variant prináša len elementárnu informáciu o románe a preklad z angličtiny je skutočne príliš zredukovaný, zavádzajúci a vzdialený skutočnému textu.

Ďalším prekladateľom románu je Libor Dvořák, ktorého preklad bol publikovaný vo vydavateľstve Odeon. [BULGAKOV 2013] Treba oceniť, ak existujú preklady zásadných diel z pera niekoľkých prekladateľov.

Pozrime sa aspoň trochu, ako sa vedomosti, povaha, charakter a temperament i štýl prekladateľa odrazili v preklade románu *Mistr a Markétka*:

2 Žiada sa doplniť, že v slovenskom prostredí bol román *Majster a Margaréta* publikovaný v niekoľkých reedíciách v preklade Magdy Takáčovej (1968, 1972, 2002, 2005, 2011, 2017); v roku 2019 vyšiel vo vydavateľstve Slovart nový preklad románu z pera Jána Štrassera.

Jedna z nosných kapitol románu, kapitola č. 7 (s názvom *Prapodivný byt* u Dvořáka, *Podezřelý byt* u Morávkovej, v ruštine „*Нехорошая квартира*“), sa začína prebúdzaním hrdinu so strašnou kocovinou Sťopy Mizerovova/Lotrova asi takto:

„Степа! Тебя расстреляют, если Ты сию минуту не встанешь!“ [BULGAKOV 1967, 96]

„Sťopo, jestli okamžitě, ale okamžitě nevstaneš, jsi synem smrti!“ [BULGAKOV 2013, 91]

„Sťopo! Jestliže okamžitě nevstaneš, zastřelí tě!“ [BULGAKOV 2016, 66]

Prísne oslovenie, potom apelatívny príkaz a hrozba smrti je u Dvořáka zliata do jednej výpovede s opakovaným „okamžite“ (ak apelovať, tak nie na okamžite, ale na hrozbu smrti!), zmäkčená obrazným „syn smrti“, pričom modalita výpovede je skôr hravá. Morávková ponecháva oslovenie s výkričníkom ako v ruštine, čím presne určuje, komu je hrozba určená, nič do výpovede nepridáva a priame „zastřelí tě“ evokuje explicitnú vyhrážku. V tomto prípade sa prejavuje špecifický štýl prekladateľa.

Problém nastáva, ak prekladateľ neadekvátne pretlmočí text.

Záver románu, posledný odsek (treba si uvedomiť, aké dôležité sú vždy prvé a posledné vety v románoch vôbec):

M. Bulgakov:

«Вот тогда и спит Иван Николаевич со счастливым лицом.

Наутро он просыпается молчаливым, но совершенно спокойным и здоровым. Его **исколотая память** затихает, и до следующего полнолуния **его не потревожит никто** (zvýrazn. NM). Ни безносый убийца Гестаса, ни жестокий пятый прокуратор Иудеи всадник Понтийский Пилат.» [BULGAKOV 2004, 576]

L. Dvořák:

„A obličej spícího Ivana Nikolajeviče září štěstím.

Ráno se probouzí mlčenlivý, ale naprosto klidný a zdravý. Jeho paměť, **rozbodaná injekčními stříkačkami**, se odmlčí, a až do příštího úplňku **nebude profesora nikdo znepokojoovat** (zvýrazn. NM): ani beznosý vrah Gestasův, ani nelítostný pátý prokurátor Judeje, jezdec Pilát Pontský.“ [BULGAKOV 2013, 469]

A. Morávková:

„Ivan se usmívá ze sna.

Ráno se probouzí mlčenlivý, ale už zcela klidný a zdravý. Jeho **rozjitřená paměť** se ztiší a až **do příštího úplňku už nikdo neruší jeho spánek**: ani beznosý Gestasův kat, ani nelítostný pátý prokurátor Judeje, jezdec Zlatého kopí Pilát Pontský.“ [BULGAKOV 2016, 389]

Nie je jasné, odkiaľ vzal Dvořák injekčné striekačky, ktoré svojvoľne do textu vložil (čo sa to snaží podsunúť čitateľovi?). A akého profesora mal na mysli Dvořák? Samotného Wolanda alebo prof. Stravinského z kliniky? Jasné nepochopenie faktu,

že klud bude mať do najbližšieho splnu Ivan a nie profesor (!) sa nám zdá absolútne zavádzajúce.

Veď Veľká noc sa končí, všetko prehrmelo, nastane klud, Ivanovi sa prestane snívať o Pontskom Pilátovi i Ješuovi. Nečistá sila, pán tieňov opustil Moskvu, kam prišiel, aby sa v Zlej dobe stal Dobrom a ako korektor nastolil rovnováhu medzi Dobrom a Zlom.

Woland: „[...]každému se dostane podle jeho víry. A to se taky vyplní!“ [BULGAKOV 2016, 277]

Priestor a čas (krátka rekonštrukcia)

Ak pozorne čítame román *Mistr a Markétka*, zistíme, že sujet románu Bulgakov zasadil do obdobia Veľkej noci v obidvoch mestských dejových líniiach, hoci dej románu tvoria línie tri: 1) tu a teraz – 2) vtedy a tam – 3) vždy a všade. *Tu a a teraz* predstavuje moskovskú, súčasnú, satirickú líniu späť s príbehom Mistra a Markétky, Berliozu, Bezdomého a všetkého, čo sa udialo v Moskve; *vtedy a tam* zobrazuje jeruzalémsku, biblickú, či dávnu vrstvu románu (okamžite asociujúcu Evanjelium), ktorej hlavnými protagonistami sú Ješua Ha-Nocri, Pilát Pontský, Matouš Lévi, Jidáš; *vždy a všade*, mimo času a priestoru funguje „nečistá sila“ Woland a jeho suita.

Konkrétne:

1) Moskva. V stredu sa stretnú básnici na Patriarchových rybníkoch s Wolandom; Berliozovi odreže hlavu elektrická; Potápka-Bezprizorný končí na psychiarii. Štvrtok – okolo 11.30 hod. Sťopa Lotrov zistí, že sa nachádza v Jalte; Woland sa sťahuje do „podezrelého bytu č. 50“; Nikanor Ivanovič Bosý je vďaka Korovjevovi prichytený s cudzou valutou; administrátor Varieté Varenucha sa stáva upírom; Básnik Potápka-Bezprizorný sa stretáva na klinike s Majstrom, diskutujú o Wolandovi a o udalostiach, ktoré sprevádzajú jeho príchod do Moskvy; Woland predvádza seansu čiernej mágie vo Varieté. Piatok – pred úsvitom riaditeľ Varieté Rimský ledva unikne upírom Hele a Varenuchovi; ráno je Vasilij Stepanovič Lastočkin svedkom hororových momentov (napr. oblek bez tela), ktoré vymyslel Korovjev; Markétka číta Majstrov román, potom odchádza na stretnutie s Azazelom; poobede sa Wolandova suita zabáva, udivuje a straší návštevníkov v byte č. 50; večer sa Markétka natiera krémom od Azazela a stáva sa vedmou, letí na stretnutie s Wolandom a jeho suitou, predtým ešte demoluje byt kritika Latunského a okolo polnoci je hostiteľkou na gala plese u satana. Sobota – pred úsvitom sa ples končí a Woland sľubuje Markétke splniť pranie, Markétka chce späť svojho Majstra; ráno sa odohrajú nepríjemnosti v byte č. 50, ktorý nakoniec zhorí; Korovjev a Kňour sa bavia a zapalujú ďalšie miesta v Moskve.

2) Jeruzalem. V stredu ráno „...kráčel hřmotným vojenským krokom po kryté kolonádě mezi dvěma křídly paláce Heróda Velikého správce Judeje Pilát Pontský v bílém plášti s purpurovou podšívkou“ [BULGAKOV 2016, 20]; poobede Jidáš

Iškariotský pozve Ješuu Ha-Nocri na obed; Matouš Lévi je chorý, preto nesprevádza Ješuu do Jeruzaléma; večer je Ješua počas návštevy u Judáša zatknutý. Piatok – Pilát trpí bolesťami hlavy a na jeho prekvapenie Ješua bolesti nielen diagnostikuje, ale pomôže mu ich stlmiť; Pilát odsúdi Ješuu na trest smrti, neskôr sa odsúdenci presúvajú k miestu popravy; poobede je Ješua ukrižovaný, Matouš Lévi sa prizerá; večer, po smrti Ješuu, sa nad Jeruzalémom rozpúta búrka; Pilát sa stretáva so šéfom tajnej polície Afrániom; neskoro večer je Jidáš Iškariotský zavraždený; telo Ješuu pochovajú a Matouš Lévi prichádza do Herodotovho paláca; okolo polnoci Pilát konečne zaspáva. Sobota – ráno Afranius informuje Piláta o smrti Jidáše a o pohrebe zločincov; Pilát diskutuje s Matoušom Lévim.

3) V sobotu večer a v noci sa moskovská, jeruzalemská a mimočasová línia zlejú do jedného časopriestoru: Matouš Lévi prichádza do Moskvy za Wolandom, aby mu odovzdal odkaz od Ješuu, ktorý chce pokoj pre Majstra; Azazelo podáva Majstrovi a Markétke otrávené víno – ich kauzálne, fyzické telá zomierajú (Markétka doma, Majster v blázinci) a čaká ich večnosť, ktorú strávia spolu v tichu malého domčeka; Pilát Pontský je zbavený svojej nesmrteľnej nespavosti a so svojim psom Banga konečne vykročí po mesačnej ceste ku svetlu; Woland so svojou suitou odcvála do mimo času a mimo priestoru.

Bulgakov napísal svoj román ako svedectvo o dobe, práve a bezprávi, o láske a nenávisti, o viere a neviere, o dobre a zle a zachytáva krutosť doby začiatku nášho letopočtu (Ješua Ha-Nocri) a krutosť diktátorského režimu o 1900 rokov neskôr. Boli to doby, ktoré – každá svojim spôsobom – ukrižovali dobro a duchovnosť. To je jeden z podstatných odkazov pre dnešného čitateľa.

Literatúra:

- BULGAKOV, M. (1969): *Master i Margarita*. Frankfurt-na-Majne.
- BULGAKOV, M. (2004): *Master i Margarita. Sobranije sočinenij v vos'mi tomach. Tom 5*. Sankt-Peterburg.
- BULGAKOV, M. (2009): *Mistr a Markétka*. Grafický román. Preklad Viktor Janiš. Ilustrovali: Andrzej Klimowski, Danusia Schejbalová. Praha.
- BULGAKOV, M. (2013): *Mistr a Markétka*. Preklad Libor Dvořák. Praha.
- BULGAKOV, M. (2016): *Mistr a Markétka*. Preklad Alena Morávková. Praha.
- BARKOV, A. (2006): *Roman Michaila Bulgakova «Master i Margarita»*. *Al'ternativnoje pročtenije*. <https://royallib.com/read/barkov_alfred/roman_bulgakova_master_i_margarita_alternativnoe_prochtenie.html#o>. [online]. [cit. 1. 4. 2021].
- KANDAUROV, O. (2002): *Jevangelije ot Michaila*. V 2-ch tomach. Moskva.

LOSEV, V. (2006): *Michail Bulgakov «Moj bednyj, bednyj master...» Polnoje sobranije redakcij i variantov romana «Master i Margarita»*. Moskva.

MURÁNSKA, N. (2005): *Román Michaila Bulgakova Majster a Margaréta*. Nitra.

SARNOV, B. M. (2009): *Stalin i pisateli*. Moskva <https://www.famhist.ru/famhist/sarn_st_po/0025b04e.html>. [online]. [cit. 2. 4. 2021].

SOKOLOV, B. V. (2005): *Bulgakov. Ènciklopedija*. Moskva.

Bulgakovskaja ènciklopedija. (2021) <<http://www.bulgakov.ru/>>. [online]. [cit. 4. 4. 2021].

[статъи]

About the author

Natália Muránska, Constantine the Philosopher University, Department of Russian Studies, Nitra, Slovak Republic, nmuranska@ukf.sk

Za profesorem Miroslavem Zahrádkou

Ivo Pospíšil

(Brno, Česká republika)

[маргиналии]

Dne 25. května 2021 zemřel po dlouhé nemoci ve věku devadesáti let prof. PhDr. Miroslav Zahrádka, DrSc., český rusista mezinárodní pověsti, s jehož jménem jsou spjaty desítky let československé rusistiky a přijímání ruské literatury u nás.

Psal jsem o M. Zahrádkovi mnohokrát (i když moje jméno bylo z mnoha bibliografických pojednání o Zahrádkovi novodobými cenzory důsledně vymazáno) a dvakrát k jeho kulatým jubileím: k sedmdesátinám a osmdesátinám.¹ Proto tento nekrolog pojmu více osobně, i když se jeho dílo pokusím také komplexně a snad i objektivně zhodnotit s využitím svých zmíněných souborných statí. Ty jubilejní články vycházely v době, kdy byl prof. Miroslav Zahrádka terčem necitlivé kritiky a byli to také někteří brněnští rusisté, kteří vystoupili na jeho obranu. Sám jsem musel zcela v obklíčení radikálních, jinak smýšlejících kritiků z Prahy, Olomouce i Brna čelit kritice nejen zvěčnělého badatele, ale předlistopadové rusistiky jako takové² a přiznám se, že jsem to dělal rád.

Jako mladý asistent jsem vnímal Zahrádkovu osobnost jako spíše konzervativního literárního vědce, který příliš nepřeje novým postupům, jež jsem se snažil uplatňovat, nebo je k nim skeptický. Avšak jeho lidské postoje v období, kdy byl v podstatě klíčovou rusistickou osobností, jsem vždy oceňoval a měl jsem s tím i osobní zkušenost, mimo jiné s dramatickou obhajobou své kandidátské disertace. Zahrádka byl nejen prominentní rusista a ten, kdo po léta tvaroval českou recepci ruské literatury u nás, ale především čestný člověk, což je dodnes právě v akademickém prostředí vzácnost. Psal jsem o něm již předtím v populárním tisku, např. o jeho knížce, která se týkala poetiky díla M. Šolochova, a poté jsem komentoval takřka vše podstatné, co napsal až do poslední doby, kdy mu vážná nemoc znemožnila další práci.³ To, co jsem na

1 [POSPÍŠIL 2001b; POSPÍŠIL 2011].

2 [POSPÍŠIL, TRÁVNÍČEK 2004]. Text I. Pospíšila na s. 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32.

3 Viz naše recenze: [POSPÍŠIL 1976; POSPÍŠIL 1981; POSPÍŠIL 1982; POSPÍŠIL 1992; POSPÍŠIL 2001a; POSPÍŠIL 2002; POSPÍŠIL 2006].

něm obdivoval a obdivuji nejvíc: systematicčnost, důslednost, pracovitost, team spirit, schopnost vést a ovlivňovat, stát na svém, byť někdy s kompromisy.

M. Zahrádka žil a tvořil v ne právě příznivé době, ačkoli se to na první pohled nezdálo a nezdá: nejprve nutnost ztotožnit se s vládnoucí ideologií, což bylo u něho spjato s rodinnou anamnézou, později deziluze a nárazy let 1968–1969 a 1989, to vše lidí nejen jeho generace nemohlo nepoznamenat. I když se musel často podrobovat, nemyslel jen na sebe, ale hlavně na svůj obor a své akademické pracoviště a kolegy, které držel často politicky nad vodou. Byl iniciátorem Olomouckých dnů rusistů a zakladatelem sborníku, který posléze přerostl v časopis, organizátorem a účastníkem, mezinárodních konferencí, často jezdil do zahraničí, podílel se na vydávání ruských sovětských autorů u nás, popularizoval je, psal ke knihám interpretační doslovy a hodnotící stati. Jeho aspirantské semináře utvářely i dnešní osobnosti české rusistiky.

Narodil se 14. května 1931 v Kralupech nad Vltavou v dělnické rodině. Vystudoval češtinu a ruštinu na Karlově univerzitě (1950–1955), velmi rychle se stal asistentem na tehdejší Vysoké škole ruského jazyka. Po absolvování vědecké aspirantury v Moskvě na Lomonosovově univerzitě (1956–1960, disertace: *Umělecký styl románů Konstantina Fedina*, vyšlo později u nás) spojil celý svůj osobní i profesní život s Olomoucí. Byl dobrým hospodářem na svém pracovišti, dokázal se zastat svých lidí, byl k nim loajální a oni k němu: to se ani dnes v takovém rozsahu nikde nevidí a nevidělo, zvláště když šlo o situace po roce 1970 a 1989.

Svůj článek k jubilantovým sedmdesátinám jsem kdysi nadepsal *Hledání rudimentárního ruství* a další *Významná osobnost československé rusistiky* a nemusel bych na tom nic zásadního měnit; proto z nich v této části textově vycházím. Každá generace si myslí, že přináší něco, co zásadně mění vše, tedy i vědní obor. U Zahrádky je cenná jeho návaznost na minulé hodnoty i to, že šel vždy svou cestou, současně však budoval obor a má žáky, kteří se k němu hlásí: to o sobě nemůže z různých důvodů říci každý, neboť i naše filologické vědy skýtají mnohé případy velkých badatelů, v jejichž práci, často nikoli jejich vinou, nikdo nepokračuje. Zahrádkovi rusisté, nyní již většinou staršího středního a staršího věku, jsou rozseti po celém bývalém Československu. Jestliže bych české rusisty schematicky rozdělil na ty, kteří k Rusku přikládají spíše evropská měřítká a evropské hodnoty, a na ty, kteří naopak vycházejí z ruského specifika a pak teprve hledají možnosti srovnávání a širší souvislosti, musel bych Miroslava Zahrádku přiřadit k té druhé: jeho vědecká tvorba od samého počátku směřovala k analytickému ponoru do materiálu. Byly mu vzdálené teoretické konstrukce nepodložené tvrdou prací, studiem a zvažováním detailu a v ruské literatuře především toho, co ji odlišuje, čím je specifická; to našel, jak známo, mimo jiné v látkovém i formotvorném tématu války.

Zahrádkovu literárněvědnou aktivitu lze rozdělit na několik oblastí: zkoumání válečné literatury, zejména prózy, rusko-české literární vztahy, literárněhistorická

analýza ruské literatury 20. století (osobnosti, směry, styly) a systematické sledování ruské literární, zejména prozaické produkce. V tomto smyslu Miroslav Zahrádka byl a je jedním z mála rusistů, kteří byli současně literárními kritiky, popularizátory a vykladači.

Na počátku řady jeho literárněvědných monografií stojí studie *O vývoji ruské válečné prózy: téma – žánr – styl (1812–1853)*, která vyšla v Olomouci roku 1969. Válce jsou věnovány ještě další dvě práce, a to *Stalingradská bitva v literárním zobrazení: téma – žánr – styl* (Ostrava 1973, 2. vyd. 1975) a *Literatura a válka: etapy a tendence zobrazení Velké vlastenecké války v sovětské literatuře* (Praha 1980). Česko-ruským literárním vztahům jsou věnovány dva knižní soubory: *Alexandr Fadžev a Československo* (spolu se Ctíradem Kučerou, Ostrava 1976) a *Sovětská literatura a my* (1981). Jubilant také vedl autorský kolektiv *Malého slovníku rusko-českých literárních vztahů (osobnosti ruské literatury v českém kontextu)*, který vyšel v Lidovém nakladatelství v Praze roku 1986. Nejbližší je mi však jiná Zahrádkova kniha ze 70. let: *Michail Šolochov. Motivy – kompozice – styl* (Lidové nakladatelství, Praha 1975). Právě zde dokázal jubilant maximálně propojit tematologii s kategoriemi poetiky, se stylem, symbolikou a popisy přírody. Na sklonku 80. let 20. století vychází kniha, kterou Zahrádka napsal spolu s jiným olomouckým rusistou a básníkem Dušanem Žváčkem pod názvem *Současná sovětská literatura let osmdesátých* (Olomouc 1989). K problémům tzv. socialistického realismu se jubilant kriticky vrací v brožuře *Dogmata a živý literární proces s podtitulem Jak vznikala úzká norma socialistického realismu a jak s ní ruská literatura bojovala* (Olomouc 1992). Další publikací vyrovnávající se se současnou literaturou byl *Ruský literární proces 80. a začátku 90. let* (Olomouc 1994). Kromě toho je Zahrádka autorem kompendia *Současní ruští prozaici* (Plzeň 1997).

Jádrem Zahrádkovy literárněvědné produkce 90. let je však nepochybně dlouho očekávaná monografie *L. N. Tolstoj*. Po dlouholetých odbočkách, jimiž Zahrádka obohatil českou recepci ruské literatury, se tu vrací k hutné, analytické, faktografií nasycené práci, v níž zkoumá souvislosti Tolstého prózy s jinými ruskými autory, jako byli mj. M. J. Saltykov-Ščedrin, I. S. Turgeněv, V. M. Garšin nebo A. Kuprin. Jak jsme již napsali jinde, Zahrádkovo celoživotní zaujetí tzv. válečnou prózou vyvolávalo dvojí reakce: uznání i kritiku, neboť bylo někdy chápáno jako málo literární a umělecké. Zahrádka však prokázal, že zkoumání této specifické vrstvy v ruské literatuře má svůj smysl a přispívá k poznání onoho rudimentárního ruství, bez něhož bychom ruské literatuře tak dobře neporozuměli. Per aspera ad astra: literárněvědná práce je pro něho tvrdým bojem s kluzkostí materiálu a úporným hledáním tematických a myšlenkových souvislostí; v této konkrétnosti a hutnosti, stejně jako ve schopnosti kritického hodnocení pramenů a umění formulační zkratky je síla Zahrádky jako literárního vědce, síla, která tvaruje jeho badatelský profil a vybudovala jeho nezastupitelné místo v československé rusistice.

O jeho bohaté činnosti v 21. století svědčí reprezentativní *Bibliografie* (Olomouc 2010) a doplněný a rozšířený *Slovník rusko-českých literárních vztahů* (Oftis, Ústí nad Orlicí 2008), kolektivní dílo, které je také jeho dítětem, *Maxim Gorkij v ohlasech české kritiky přelomu 19. a 20. století* (2001), učebnice *Ruská literatura XIX. století v kontextu evropských literatur (osobnosti a dialog literatur, 2005)* a *Ruská literatura XX. století (literární proudy a osobnosti, 2003)*, *Toulky s ruskými spisovateli* (Oftis, Ústí nad Orlicí 2007). Zahrádka je dominantním vykladačem podstatných směrů moderní ruské prózy svými studii a doslovy ke knihám řady autorů (A. Fadějev, A. Adamovič, D. Granin, M. Gorkij, D. Furmanov, V. Ličutin, I. Druť, J. Bondarev, A. Prochanov, M. Šolochov, G. Baklanov, K. Simonov, A. Bek, V. Bělov).

Nelze opomenout ani Zahrádkovu práci prozaika (pod pseudonymem Petr Klen). Jde o román *Čekání (Kronika mládí, 1980)*, který zachycuje časový úsek 1942–1950, je silně autobiografický a má jistě i přesah dobový, například pokud jde o téma převlékačů kabátů a všeobecné české připravenosti zrazovat přátele a přesvědčení. Hodně očekávány byly i Zahrádkovy paměti (čekalo se na to, co tam uvede a co naopak nikoli, neboť toho věděl opravdu mnoho a to je vždy nebezpečné): vyšly nakonec jako stylizované fragmenty pod názvem *Okamžiky ze životního putování literárního vědce a prozaika (Vzpomínky, 2011)*. A není to čtení nudné, spíše naopak.

S charakterem M. Zahrádky souvisí i jeho „pokryvačská“ činnost za normalizace (Antonín Václavík, Josef Sedlák) a také uvádění prací druhdy začínajících vybraných rusistů, například známé „mozaiky sovětské literární skutečnosti“ *Odpovědnost tvorby Vladimíra Novotného, kdysi svého olomouckého aspiranta*. Jistě si na zvěčněního učitele jeho tehdejší žáci i nyní s vděčností vzpomenu.

Práce a osobnost prof. Miroslava Zahrádky se těšily všeobecné vážnosti v odborných českých, československých a evropských kruzích i mezi milovníky ruské literatury. Budíž nám všem toto vědomí útěchou v těchto těžkých chvílích.

Bibliografie:

- POSPÍŠIL, I. (1981): *Dějiny a teorie válečné literatury*. Literární měsíčník, 1981, č. 1, s. 110–111.
- POSPÍŠIL, I. (1992): *Dogmata a literatura (M. Zahrádka: Dogmata a živý literární proces, Olomouc 1992)*. Lid. demokracie, 19. 11. 1992, s. 5.
- POSPÍŠIL, I. (2001a): *Gorkij nebyl (ani u nás) umělou bublinou (M. Zahrádka: Maxim Gorkij v ohlasech české kritiky přelomu 19. a 20. století. Vyдалa česká koordinační rada Společnosti přátel národů Východu za přispění Ministerstva zahraničí ČR, Olomouc 2001)*. Opera Slavica XI, 2001, č. 3, s. 53–54.

- POSPÍŠIL, I. (2001b): *Hledání rudimentárního ruství*. In: SPFFBU X 4. Brno, s. 107–109.
- POSPÍŠIL, I., TRÁVNÍČEK, J. et al. (2004): *Kostlivci ve skříni. Diskuse i „kulatého stolu“ o stavu současné rusistiky*. HOST, 2004, č. 8, s. 26–32.
- POSPÍŠIL, I. (1976): *Poetika Šolochovovy prózy (M. Zahrádka: M. Šolochov. Motivy – kompozice – styl, Praha 1975)*. Rovnost, 8. 1. 1976, s. 5.
- POSPÍŠIL, I. (2006): *Ruská literatura a svět (Miroslav Zahrádka: Ruská literatura XIX. století v kontextu evropských literatur (Osobnosti a dialog literatur). Periplum, Olomouc 2005, 279 s.)*. Opera Slavica XVI, 2006, č. 1, s. 53–54.
- POSPÍŠIL, I. (1982): *Síla dokumentu (M. Zahrádka: Sovětská literatura a my, Praha 1981)*. Rovnost, 9. 2. 1982, s. 5.
- POSPÍŠIL, I. (2002): *Užitečný přehled ruské literatury 20. století, část druhá: tečky, vykřičníky a otazníky. (M. Zahrádka – J. Sováková: Literaturnyje tečenija i ličnosti ruskoj literatury XX veka. II část. Západočeská univerzita, Plzeň 2000, 110 s.)*. Opera Slavica XII, 2002, č. 3, s. 53–54.
- POSPÍŠIL, I. (2011): *Významná osobnost československé rusistiky (K osmdesátinám profesora Miroslava Zahrádky)*. Novaja rusistika 4, 2011, č. 1, s. 87–90.

Summary

In Memory of professor Miroslav Zahrádka

The present obituary deals with the personality of the Czech specialist in Russian literature Miroslav Zahrádka, author of tens of books and hundreds of studies mainly devoted to the four scholarly spheres: Russian war literature, sometimes even in comparative perspective, Czech–Russian literary relations, poetics of significant figures of both classical and modern Russian writers, and, last but not least, lexicographical works, including the two editions of the *Minor Dictionary of Czech–Russian Literary Relations (The Personalities of Russian Literatures in the Czech Environment)*. Per aspera ad astra: His studies in Russian literature has always been a hard struggle with the slipperiness of literary material and persistent search for thematic and ideological contexts; his concreteness and conciseness as well as his ability of the critical assessment of sources and the art of condensed formulations represent Zahrádka's strength as a literary critic which forms his character and his irreplaceable position in Czechoslovak Russian studies.

About the author

Ivo Pospíšil, Masaryk University, Faculty of Arts, Department of Slavonic Studies, Brno, Czech Republic, ivo.pospisil@phil.muni.cz

<https://doi.org/10.5817/NR2021-1-6>

Moderná učebnica ruštiny pre samoukov

ŠAJGALÍKOVÁ, H., POSOKHIN, I., GROMINOVÁ, A.: *Ruština pre samoukov a jazykové kurzy*. Bratislava: Aktuell, 2018.

Zvýšený záujem o ruský jazyk a jeho štúdium v posledných rokoch prináša so sebou nové výzvy nielen v oblasti samotného procesu výučby ruštiny ako cudzieho jazyka, no i v príprave a vydávaní nových učebných materiálov, ktoré by svojou kvalitou odpovedali požiadavkám moderného jazykového vzdelávania. Dnešná doba so sebou prináša trend samostatného učenia sa cudziemu jazyku bez pomoci pedagóga. Vzniká tak situácia, kedy sa človek chce naučiť nový cudzí jazyk, v tomto prípade ruský, no z istých dôvodov (finančných, časových, vlastnej viery v svoje schopnosti atď.) sa rozhodne pre samoštúdium. Na sklonku roka 2018 vydaná učebnica *Ruština pre samoukov a jazykové kurzy* trojice autorov – Heleny Šajgalíkovej, Ivana Posokhina a Andrey Grominovej – je určená najmä takémuto typu „študenta“, ktorý má často vysokú motiváciu učiť sa a ochotu dobrovoľne venovať čas získavaniu nových vedomostí.

Do výslednej podoby učebnice boli zapracované požiadavky poslucháčov kurzov ruštiny, osobné i pedagogické skúsenosti z praxe autorov, ktorí sa dlhodobo venujú didaktike ruského jazyka v školskom prostredí a sú oboznámení s aktuálnymi problémami a ťažkosťami študentov pri nadobúdaní vedomostí z jednotlivých oblastí cudzieho jazyka. Učebnicu tak možno zároveň považovať za odpoveď autorov na aktuálne problémy jazykového vzdelávania, vďaka čomu – ako uvádza anotácia učebnice na webovom portáli Martinus.sk – „[...] spĺňa náročné kritériá spoločného európskeho referenčného rámca pre jazyky, európskeho štandardu, ktorý roky precizovali odborníci Európskej únie v oblasti výučby a osvojovania si jazykov a využíva najmodernejšie poznatky didaktiky samoštúdia a sebahodnotenia.“ [Kniha... 2020]

Ako uvádzajú autori, „[...] svojím aktuálnym zameraním sa učebnica líši od tradičnej obsahovej skladby učebníc na knižnom trhu.“ [ŠAJGALÍKOVÁ, POSOKHIN, GROMINOVÁ 2018, 3] Tradičnú obsahovú skladbu predstavuje z ich pohľadu často nudnejšia gramatická časť učebníc, preto je v danej učebnici obmedzená na nevyhnutné minimum. Samouk má pochopiť a zvládnuť gramatické javy v kontexte precízne vypracovaných cvičení.

Po obsahovej stránke je učebnica rozdelená do pätnástich kapitol zameraných na tematické okruhy, ktoré zodpovedajú aktuálnym požiadavkám komunikačnej praxe v oblasti ako profesijného, tak i osobného života. Cielene je zvýšená náročnosť i dĺžka jednotlivých kapitol. Pre učebnicu, ktorá je určená najmä pre samoukov, ide o vítaný prvok, ktorý si síce vyžaduje dlhší čas na štúdium, no, ako dodávajú autori, pokiaľ

„[...] chcete rýchlo zvládnuť vyše dvetisíc slov a slovných spojení spolu s gramatikou, nič iné vám neostáva.“ [ŠAJGALÍKOVÁ, POSOKHIN, GROMINOVÁ 2018, 3] Cvičné dialógy i modelové situácie verne reflektujú súčasné rusky hovoriace prostredie. Veľmi aktuálne sú aj ukážky správneho zostavenia životopisu či objednávky. Hoci je pomoc učiteľa najmä pri kontrole správneho vypracovania zadání neoceniteľná, správne riešenie úloh a cvičení je možné overiť si aj samostatne pomocou kľúča, ktorý sa nachádza na konci učebnice. Nespornou výhodou, a zároveň súčasťou učebnice sú dve CD s dialógmi a frázami, ktoré umožňujú samoukovi v domácich podmienkach počuť hovorenú ruskú reč a pripraviť sa na komunikáciu v ruštine s rodenými hovoriacimi. K rýchlemu osvojeniu ruštiny má pomôcť rozsiahla slovná zásoba, slovné spojenia i celé vetné konštrukcie zasadené do konkrétnych situácií. Študent – samouk tak získa povedomie o tom, aký význam nadobúdajú slová v kontexte, čím sa do budúca eliminuje možnosť ich nesprávneho použitia.

Záverom možno konštatovať, že sa autorom podarilo zostaviť skutočne moderne koncipovanú učebnicu reagujúcu na aktuálne požiadavky jazykového vzdelávania, ktorá umožňuje študentovi dosiahnuť komunikačnú kompetentnosť vyžadovanú v praxi a svojím obsahovým spracovaním má čo ponúknuť aj kurzom ruského jazyka, žiakom či študentom základných i stredných škôl. Učebnica nie je autormi prezentovaná ako prostriedok, zakúpením ktorého sa človek automaticky naučí ruštinu, ale ako užitočný sprievodca na ceste k osvojovaniu si poznatkov z ruského jazyka. Deklarované dosiahnutie jazykovej úrovne B1 nie je nemožné vzhľadom na prepracovanosť i náročnosť učebnice, no vyžaduje si tak, ako pri štúdiu každého jazyka, zo strany študenta čas, vytrvalosť a ochotu učiť sa pravidelne.

Igor Cintula

Bibliografie:

Knih: Ruština pre samoukov a pre jazykové kurzy + 2 CD (Helena Šajgalíková, Ivan Posokhin a Andrea Grominová) | Martinus. (2020). <https://www.martinus.sk/?uItem=441007&gclid=CjwKCAjwz6_8BRBkEiwA3p0zVYSm6IL9TFuh4ErDYHm3aRjhc7V VfXNuGv33kxDA6s6HPyUeC331WRoChJ8QAvD_BwE>. [online.] [cit. 17. 10. 2020].

ŠAJGALÍKOVÁ, H., POSOKHIN, I., GROMINOVÁ, A. (2018): *Ruština pre samoukov a jazykové kurzy*. Bratislava.

<https://doi.org/10.5817/NR2021-1-7>

Tři knihy ze Siedlc¹

БЛАШКІВ, О., MNICH, R. (red): *Освальд Шпенглер и славяне*. Коллективная монография. Opuscula Slavica Sedlciensia, tom XIII, IKRiBL, Stowarzyszenie im. Franciszka Karpińskiego. Siedlce: Opuscula Slavica Sedlcensia. Institut regionalnoj kultury i literaturovedčeskich issledovanij im. Franciška Karpińskiego v Sedlcach, 2020.

KOZAK, E., BORKOWSKA, A. (red.) (2020): *Исповедь и проповедь в культуре и литературе*. Conversatoria litteraria XIV. Siedlce – Banská Bystrica.

БЛАШКІВ, О., MNICH, R. (red): *Феномен русской эмиграции*. Коллективная монография. Siedlce: Instytut Kultury Regionalnej i Badań Literackich im. Franciszka Karpińskiego, 2020.

I když se personální sestava siedleckého pracoviště za poslední léta přece jen změnila, zůstává tu jeho široké pojetí slavistiky, v jejímž centru stojí rusistická bádání – klíčovou roli tu hraje i nyní ve Varšavě na univerzitě působící Roman Mnich, jeho žena Ljudmila, ale i další, kteří editují různé sborníky a kolektivní monografie. Nebudu komentovat, zda jsou nebo nejsou v protežovaných databázích, ale obsahují podněty, jejichž hodnota zůstává trvalejší, než bychom si mysleli. Tři svazky, které se tu recenzují, o tom výmluvně svědčí.

První se zabývá delikátním spojením klíčového díla Oswalda Spenglera a slovanského světa, zejména Ruska, neboť právě jemu věnoval německý myslitel řadu pozoruhodných pasáží své knihy *Zánik Západu* (překládá se různě, ale, jak správně kdysi upozornil M. C. Putna, jde spíše o klesání, pokles, sestup Západu – *Der Untergang des Abendlandes*). Na samém počátku knihy je rozhovor o v podstatě čerstvé knize rakouského autora o Spenglerovi („*Вместо предисловия: Девять вопросов об Освальде Шпенглере к Петеру Штрассеру [Peter Strasser], автору книги Spenglers Visionen. Hundert Jahre Untergang des Abendlandes (Wien 2018)*“): „*Ist das heute vorherrschende ‚rechte‘ Interesse an Spenglers Gedanken nicht ein Interpretationsproblem? Ist Spengler ein ‚rechter‘, gar ein faschistischer Philosoph? Hat er angesichts seiner Beziehung zum Dritten Reich nicht eine ganz andere Richtung repräsentiert? Spengler war gedanklich ein Vertreter der Konservativen Revolution – mit dem Unterschied, dass er nicht daran glaubte, mit dem Rückblick in die eigene Geschichte eine kulturelle ‚Renaissance‘, etwa des Feudalismus und des Königtums von Gottes Gnaden, einleiten zu können. Aber er*

1 Tento výstup vznikl na Masarykově univerzitě v rámci projektu Mezislovanské kulturní a literární vazby číslo MUNI/A/1331/2020 podpořeného z prostředků účelové podpory na specifický vysokolský výzkum, kterou poskytlo MŠMT v roce 2021.

verabscheute eben, wie so viele andere Gebildete und Halbgebildete, alles Demokratische und Liberale, auch die Menschenrechtsnormen und den Gedanken, wonach alle Menschen ‚gleich‘ seien. Spengler verabscheute den Völkerbund. Dass er sich dann weigerte, für den Austritt der Nationalsozialisten aus jener zwischenstaatlichen Friedensorganisation eine publizistische Rechtfertigung zu liefern, hatte mehrere Gründe. Spengler stand in Distanz zu den Nazis, er fand die hemmungslose Hetze gegen das Judentum degoutant, weil pöbelhaft. Vor allem jedoch war ihm Hitler noch immer zu sehr abhängig von seiner Partei, der ‚Nationalsozialistischen Arbeiterpartei‘, die nach außen hin so tat, als ob sie eine große kulturelle, weltbewegende Idee zu verkörpern und zu realisieren hätte. Das alles widersprach Spenglers Prophetie-Modell des Untergangs: zunächst die Apokalypse, die totale Zerstörung der todesmüden Zivilisation, und dann erst, wie Phönix aus der Asche, eine neue ‚Kultur.‘“ [BLAŠKIV, MNICH 2020b, 11–12].

Tyto úvodní pasáže obsahují (ještě i v dalších částech) vše podstatné, co je spojeno s nadčasovým významem Spenglerovy knihy i s narůstajícím zájmem o ni dnes. Kromě závěrečné práce editora Romana Mnicha je klíčovou studií *Закат Европы или модерн?* germanisty Nikolaje Rymara (roč. 1945), rodáka z Rigy, který se etabloval studiiemi o (západo)německé literatuře (zde by se jeho úvahy o tzv. západoněmeckém románu z roku 1979 daly srovnat s podobnými opusy české germanistky Květuše Hyršlové, roč. 1929, např. raný *Západoněmecký poločas 1945–1960*, vyd. Čs. spisovatel, Praha 1963) o poetice, teorii románu apod., absolventa Lotyšské státní univerzity (1971), aspiranta ve Voroněži a nakonec doktora věd (1993) a profesora (1998) v Samaře (dříve Kujbyšev), špičkového ruského filologa / literárního vědce. Rymar' spojuje Spenglerovo úsilí demonstrovat kulturu jako fenomén, který má dávat smysl lidskému životu i smrti, s prací Györge (Georga) Lukácese *Theorie des Romans* (1915–1920). Tento přístup ke kultuře jako jakémusi prafenoménu nebo prasymbolu vede ke snaze objevovat celistvost, holismus kultury. Rymar' Spenglera pokládá za kulturologického tradicionalistu, jak tyto jevy prezentuje historická poetika (tu se odvolává na jiného ruského teoretika literatury Samsona Brojtmana). Spenglerův „Zánik“ třeba traktovat nikoli jako přechod do stadia civilizace, ale jako vznikání a tvarování moderny, tedy jiného typu kultury, která je dána také jiným typem osobnosti. To vše obsahuje i všemožný pokrok (Fortschritt), zejména technologický, ale také protiklad individualistické osobnosti a potřeby lidského společenství, pěkně česky „pospolitosti“, což vede k ztrátě smyslu bytí. Zdůvodnění individuálního lidského bytí dnes ztrácí v kultuře své zdůvodnění. Moderna by mohla vést k hledání a nacházení rovnováhy mezi těmito dvěma krajnostmi, ale podle mého soudu sem zasahuje i změněná osobnost dnešního člověka daná patrně pokračující evolucí nebo genetickými zásahy. Ruské slovo „модерн“ znamená tu německé „die Moderne“; Rymar' není ostatně náhodou germanista, ale v ruském kontextu je obvykle spojováno jen se secesí (nyní často i „сецессион“; „сецессия“ si uchovává pouze význam „oddělení“, „odštěpení“ bez

souvislosti s tím, že umělecký směr má stejnou etymologii), ale to bude jistě procházet dalším vývojem (lat. modernus = proudící, současný; pojem údajně vznikl v pozdní antice jako protiklad „antiquus“, tedy starý, dávný, přizpůsobený novým proudům).

V druhé stati souboru se autor těchto řádků zamyslel nad českým kontextem Spenglerovy klíčové knihy, kde ukázal na specifikum českého postavení mezi Německem a Ruskem.

Natalja Grozdeckaja (Moskva) se ve svém lingvodidaktickém výzkumu zabývá obrazy *Eddy* a probuzení „faustovské duše“ v Spenglerově díle. Dina Magomedovová (Moskva) přesvědčivě ukazuje na ruské prameny Spenglerovy koncepce *Zániku Evropy* ve známé stati A. Bloka *Ztroskotání humanismu* (*Крушение гуманизма*, 1919), ale také předtím N. Danilevského, N. Punina (ruský kunsthistorik, muž Anny Achmatovové, obviněný r. 1935 spolu s jejím synem Lvem Gumiljovem z teroristického protisovětského spiknutí, uvězněný a omilostněný spolu s ním J. V. Stalinem na přímluvu Borise Pasternaka) nebo P. Lavrova; ukazuje se, že knihu Danilevského *Rusko a Evropa* (1869) Spengler znal právě v rozhodující převratné době ruského a světového vývoje (1917–1920). Taťjana Kuzovkinová (Tallinn) v podnětné studii ukazuje na vliv Spenglerových idejí na Jurije Lotmana (dopisy z fronty) a jeho pojetí semiosféry a na to, že zejména pozdní dílo Lotmanovo a jeho vztah k Spenglerovi by měl být středem dalšího odborného zájmu.

Marija Poljakovová (Moskva) prezentuje objevnost Spenglerova přístupu k civilizaci a konci světových kultur pro historicko-pedagogický proces. Gennadij Loveckij a Vitalij Bessonov (Kaluga) pojednávají o turbulentnosti a hlediscích bifurkace světového historického procesu v dílech Oswalda Spenglera a Dmytra Čyževského, koeditoři Roman Mnich se v hluboce koncipovaném závěrečném pojednání vrací k ruské recepci Spenglera, např. v díle Alexeje Loseva nebo Michaila Bachtina, ale dívá se také na jeho spojení s dneškem: „Наследие Освальда Шпенглера, конечно же, мы не сможем понять без оглядки в прошлое, но это наследие одновременно открыто будущему в смысле поставленных вопросов и нерешённых проблем. Гуманитарные науки, в отличие от наук точных, живут повторяемостью актов понимания и интерпретаций, повторяемостью смыслов. В таком повторении и в новой интерпретации, очевидно, нуждаются сегодня и концепции немецкого философа.“ [BLAŠKIV, MNICH 2020b, 266]. To je přesně to, proč se dnešní člověk vrací k dávným myšlenkám a knihám: není nic tak starého, aby v naukách o člověku nenabývalo nové aktuálnosti, jak to kdysi ostatně ve známé větě vyjádřil M. Bachtin hovořící o „velkém čase vzkříšení“ pozapomenutých obsahů.

Spengler a jeho *Zánik Západu* má mnoho hran a odrazových ploch. Na jednu jsem poukázal v reflexi české recepcí, ohlasovosti a kontextuálnosti; jinak se na něj dívají Rusové s jinými tradicemi a nezatížením úsilím o národní a státní svébytnost, „trpící“ však fixní ideou svého mesianismu (vzpomeňme na Gorbačovovu knihu

s příznačně velikášským názvem *Přestavba a nové myšlení pro naši zemi a pro celý svět / Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира*, 1987), podobně jako Poláci, jinak v prostředí německém s hlubokými tradicemi filozofie, včetně Naturphilosophie a filozofie vůle, jinak na evropském Západě a v anglosaském Novém světě, ale i zemích románské kultury i jinde. Nepochybně zajímavé by bylo, jaká byla a je reflexe Spenglera v Asii, třeba v Číně, už vzhledem k její tisícileté tradici myšlení o civilizaci a kultuře a jejich transcendentcích. Možná se takové úvahy ještě někdy objeví.

Knihy o kazatelské a zpovědní literatuře, tedy homiletické a konfesionální, obsahuje různé příspěvky řady autorů. Jak je tato vrstva nebo žánrové seskupení terminologicky nejasné, dokazuje příběh s termínem „проповедальность“, který ruský korektor nechtěl uznat jako ruské, i když je ho dnes plný internet: patrně to souvisí s jinými tradicemi východního a západního křesťanství a jinou pozicí literatury a jejích žánrů. Naše stať z úvodu *Исповедальность, проповедальность и мемуарная литература* ukazuje v řetězcích případových studií na souvislost středověké žánrové tradice se současnou dominantní vrstvou literatury. Viktorija Pičutina (Moskva) analyzuje roli církve a divadla v pozdní antice, Marija Poljakovová (Moskva) ukazuje na Lutherových kázáních implementaci jeho vzdělávací soustavy. Viktorija Kokonova (Moskva) rozebírá kázání portugalského jezuita Antonia Vieiry o indiánech a černošských otrocích, Oľga Dovgij (Moskva) objevuje v Kantěmirových satirách rétorický režim kázání, což je ovšem známé konkrétně i obecně, mj. z knih Taťjany Avtuchovičové a Renate Lachmannové, jež se týkají funkce poloskryté rétoriky v struktuře novodobé literatury.² Duchovní Alexej Čornyj z pravoslavné moskevské univerzity se ve svém článku zabývá rozporem mezi vládnoucí mocí a péčí o duši (господственная власть vs. душепопечение) ve zpovědní praxi ruské tradice synodálního období (obvykle 1700–1721, kdy byl metropolitou Stefan Javorskij): názorně demonstruje postupy a taktiku politické moci ve vztahu k církvi a složité vnitřní rozpory sekulárního a sakrálního.

Často, jak známo, převažuje názor, že politická emigrace Rusů mimo Rusko začala až ve 20. století, dílem už po první ruské revoluci (tu však přerušila carova amnestie z roku 1913 na počest tří století Romanovců na ruském trůně) a hlavně po Velké říjnové, tedy bolševické revoluci, zhruba po občanské válce v letech 1920–1922. Andrej Možajskij (Moskva) v objeveném pojednání analyzuje memoáry jednoho významného emigranta 19. století (byla jich však řada, chvilku jím byl i Petr Jakovlevič Čaadajev váhající s návratem do Ruska po neúspěchu povstání z prosince 1825 a přesvědčený až vychovatelem carových dětí Vasilijem Andrejevičem Žukovským, čehož možná vícekrát litoval, nejvýraznější pak Nikolaj Ivanovič Turgeněv, 1789–1871,

2 Viz naše recenze: [POSPÍŠIL 1995; POSPÍŠIL 1997].

Alexandr Ivanovič Herzen/Gercen, 1812–1870, Nikolaj Platonovič Ogarjov, 1813–1877, a Michail Alexandrovič Bakunin, 1814–1876; zajímavou postavou byl ruský jezuita Ivan Sergejevič Gagarin, 1814–1882, nejstarší syn proslulého vysokého státního úředníka Sergeje Ivanoviče Gagarina, z proslulé knížecí rodiny, v mládí kamarád homosexuálního knížete P. V. Dolgorukého, s nímž v Sankt-Petěrburgu nějakou dobu bydlel, zapletený do aféry Puškinovy manželky a do celého příběhu tragického básníkovy souboje, ruský diplomat a katolický konvertita, člen Societatis Iesu, v Paříži zakladatel Cyrilometodějské společnosti, s nímž se v Paříži při svém pobytu v 60. letech 19. století setkával novinář a spisovatel N. S. Leskov, a další, všichni, jak vidno, vrstevníci, a nachází v nich zajímavě modifikované prvky zpovědi. Vladimir Sergejevič Pečérin (1807–1885) je někdy nazýván prvním ruským disidentem. Nikoli náhodou byl tento šlechtic a profesor Moskevské univerzity západníkem a byl široce respektován jako znalec starořecké a římské literatury a její překladatel, mj. Sofoklových dramát. Velmi si ho vážil ministr osvěty (v letech 1833–1849), hrabě Sergej Semjonovič Uvarov (1786–1855), také uznávaný vzdělanec, filolog, odborník na antiku, překvapivě člen Arzamasu spolu s Puškinem, jehož činnost je často nesprávně omezována na proslulou ideologickou triádu pravoslaví – samoděržaví – národnost (jen těžko přeložitelné slovo, značící národní ráz, ale také „lidovost“; do angličtiny se např. „народность“ překládá jako nationality, folkness, national character, nationalism, nationalness aj.). Pečérin odjel na zkušenou do Berlína, jehož univerzita byla v tehdejší Evropě centrem vědy, stejně jako celé tehdejší Prusko, vrátil se do Ruska a udělal rychlou univerzitní kariéru, milován a podporován oficiální mocí: už se v něm však rodila idea emigrace, kterou později uskutečnil, stal se katolíkem a členem řeholního řádu redemptoristů, přesněji Kongregace Nejsvětějšího Vykupitele, byl pokřtěn v Lutychu (Liège, Luik, Lüttich), potom se usadil ve Velké Británii, kde se setkával s Gercenem a Ogarjovem, nakonec skončil v Irsku jako představitel dublinské církevní školy a katolický bojovník proti protestantismu. Jeho životem a dílem se v 70. letech 20. století zabývali irští rusisté, byl značně populární v SSSR v 30. letech minulého století, kdy vyšly některé jeho práce. Autor se věnuje jeho epistolárním memoárům *Замогильные записки* (vyšly v Kalininu, od roku 1990 opět Tver, roku 1932), obvykle vydávaným s dodatkem *Apologia pro vita mea, Оправдание моей жизни*. Pozapomenutý Vladimir Pečérin byl klíčovou postavou ruského 19. století jako skutečný Evropan značného rozhledu, filolog a znalec antiky, který současně doložil neudržitelnost ruského politického systému: nesnášel ani dusné prostředí Moskevské univerzity naplněné intrikami.

Anna Popovová (Doněck) zajímavě zkoumá genderové aspekty v zpovědi muže v konfesionálním románu Alfreda de Musset a mladé dívky u George Sandové (*La Confession d'un enfant du siècle*, 1836, a *La Confession d'une jeune fille*, 1864; u Sandové, jež tolik ovlivnila české spisovatelky 19. století, se spekuluje o jejím příbuzenském vztahu s Jiřím z Poděbrad).

Další studie pokrývají poměrně rozsáhlou tematickou vrstvu se značnou metodologickou variabilitou: Nataľja Volodinová (Čerepovec) zkoumá filozofickou zpověď v Turgeněvově povídce *Довольно/Dost*, Jelena Andruščenkova (Moskva) analyzuje kazatelské a zpovědní prvky u D. S. Merežkovského, podobně Julija Jegorovová prezentuje toto spojení na Gorkého *Zpovědi*, jiné studie rozebírají zpovědní elementy u symbolisty a katolického konvertity Vjačeslava Ivanova. Lidija Jeninová (Jekatěrinburg) zkoumá naivisty-dělníky, budovatele závodu na Urale z pozice identity a individuality (тождественность и самость), Oľga Kulaginová (Moskva) pojednává o kazatelství u Jacquesa Préverta; z varií uvádíme jen rozhovor Ruslana Šošina z Varšavské univerzity se známým konzervativním spisovatelem Alexandrem Prochanovem (nar. 1938): jeho názory se nebudou každému líbit, ale za přečtení tento rozhovor stojí i z hlediska obecných rysů ruského vývoje (*Российская история всегда была имперской*); parafrázuje zde názory ze své knihy *Поступь русской победы* (2012).

Monografická koncepce kazatelství a konfesionality se ukázala jako nosná: prezentovala literaturu takřikajíc z druhé strany, akcentovala spojnici se středověkem, nepřímou tak potvrzující teze Berdajevovy knihy *Новое средневековье* (Berlin 1924), manifestovala postsekularitu 21. století, tedy jistý přerývaný návrat k sakralitě obohacené o sekulární pochybnost.

Třetí kniha není nijak rozsáhlá, i když pojednává o fenoménu, který za posledních 30–40 let zaplavil rusistický svět, z něhož jsou už všichni unaveni, neboť se asi 30–40 let jeví jako konjunkturální. Nicméně právě tento svazek ukazuje, že je možné na problematiku ruské emigrace pohlédnout i jinak, a potvrdit tak oprávněnost koncepce emigrantologie, kterou kdysi na mezinárodním sjezdu slavistů v Krakově roku 1998, jehož závěry včetně některých projektů zhatil odpor slavistických konzervativců, vytyčil tehdejší předseda Mezinárodního komitétu slavistů Lucjan Suchanek (nar. 1937), a zase objevně a svěže, s filozofickým podloží. Emigrace je tu chápána jako modus vivendi: mnoho z toho naznačuje již úvod editorů (*Мне подменили жизнь... и я своих не знаю берегов*).

Emigrace jako způsob existence: Leonid Heller/Geller píše o svém otci Leonidovi, jenž v Paříži spojoval ruskou a polskou emigraci, z jiné strany o něm píše Jędrzej Piekara; Oľga Pčelinová sleduje fenomén ruského zahraničí komplexně jako soubor těch, kteří chtěli představovat celé Rusko; Walentyna Krupowies studuje ruský pařížský emigrační fenomén jako kontrast společného a svého, Viktor Dimitrijejev poukazuje na působení filozofie Henriho Bergsona v ruské emigraci, o nenapsané knize Dmytra Čyževského (Dmitrije Čiževského) *Schiller v Rusku* pojednává Ljudmila Fuks-Šamanskaja, pozornosti pochopitelně neušel ani Boris Poplavskij jako hvězda ruské emigrace v eseji Jeleny Tyryškinové (Novosibirsk), stranou nezůstal ani zajcevovský a šmeljovovský diskurs ve studii Zoji Kucové z Lodže; najdeme tu i analýzu

čtvrté vlny emigrace, autor této recenze přispěl pojednáním o polyfunkčnosti ruské literárněvědné emigrace v meziválečném Československu, speciální oddíl monografie je věnován Zinaidě Hippus/Gippius(ové) a Dmitriji Merežkovskému.

Olga Blinová ukazuje ruské zahraničí jako embryonální stadium androgynního boholidstva v povídkách a publicistice právě Zinaidy Hippus/Gippius(ové) období emigrace, Oxana Chripunková se dívá na pojetí Érota v díle obou manželů, Andrej Gordin sleduje scénickou realizaci Merežkovského dramatiky (Riga), Vjačeslav Krylov prezentuje osud klasika Lva Tolstého v emigrantské kritice Zinaidy Hippus/Gippius(ové).

Třetí oddíl je cele věnován Vladimíru Nabokovovi a uvádí ho studie grodněnské profesorky Taťjany Avtuchovič(ové) o proslulých Nabokovových přednáškách o ruské literatuře jako metatextu, Taťjana Kazarinová zkoumá subjektivní organizaci románu *Ada aneb Žár* (*Ada, or Ardor. A Family Chronicle*), Anastasija Krjuková se zase věnuje jeho románům *Отчаяние/Zoufalství* a *The Pale Fire / Bledý oheň*, Žosefina Kušnirová píše o apokatastasi v románu *Lužinova obrana* v souvislosti s třetí časovou osou / časovým úsekem / Achsenzeit Karla Jasperse a idejemi Nikolaje Berďajeva. Na jedné straně se mi zdá reálnější blízkost k problematice Mozarta a Salieriho (Puškin), ale současně mě zarazila souvislost tzv. politiky humanismu pro 21. století s Jaspersem a Berďajevem: vzpomněl jsem si na masochismus (tak jsem to tehdy chápal) filozofů 90. let 20. století, kteří chtěli demonstrativně rezignovat na filozofické systémy a velké ideje z obavy, aby nebyly zneužity, jak se to stalo ve 20. století nejednou. Nakolik je tato souvislost mezi Nabokovem, Mozartem a Salierim, Jaspersem, Berďajevem a projektem humanismu 21. století jen náhodná a nakolik je záměrná, ponechejme na čtenáři a jeho mentalitě.

Ukazuje se, že emigrace, hlavně politická, cílená, a nutnost přežít v novém prostředí v několikaletých tlacích, může vyvolat nové ideje vzniklé právě „vtlačení“ původních představ do soukolí nových poměrů. Někde je to zcela patrné, například u Nabokova, jinde méně nápadné, jako tomu bylo u Hippus/Gippius(ové) a Merežkovského, někde se rodí jiná dimenze jako u Poplavského, někde je snaha udržet status quo – nejen Ivan Šmeljov nebo Boris Zajcev, ale hlavně Ivan Bunin, o němž tu překvapivě – snad kromě několika odkazů – není nic nebo jen málo.

Tři knihy v podstatě z jednoho hnízda a jedné docela mladé tradice: siedlcká rusistika soustředila dnes kolem sebe – byť již v poněkud rozptýlené podobě – výkvět polské, ruské a také dílem ukrajinské a běloruské rusistiky a přitáhla i některé další z jiných zemí, zejména střední Evropy. Zvláště koncentrace ruských rusistů, kteří žijí v Rusku nebo mimo ně, souběžně napojení na západoevropská centra a hlavně akcentace nejen Moskvy, ale především jiných center, což byla vždy – často vynucená – síla ruského literárněvědného bádání (vzpomeňme na Bachtinův Saransk, na Kemerovo, Doněck, Samaru, Jekatěrinburg, Nižnij Novgorod, Iževsk, kdysi také

Daugavpils s Čilevičem nebo Tartu s Lotmanem), to se nyní daří v siedlckých edičních sériích, za nimiž často stojí proslulý Roman Mnich napojený na Německo a Rakousko. Jakkoli mohu mít námitky k lecčemu z komentovaných bádání (to slovo mám raději než „výzkum“ a „badatel“ je v humanitních a filologických vědách přiléhavější než „výzkumník“, neboť je v něm obsažena ona spekulativnost, hloubavost), třeba k něčemu z výroků Petera Strassera z úvodního rozhovoru nebo k některým zjištěním Natálie Gvozděcké, k řadě věcí z ruské emigrace, např. k rozborům Nabokovových románů, zejména *Ada or Ardor* nebo k Zinaidě Hippus, podobně jako k něčemu ze svazku o kazatelství a konfesionalitě, kde se tyto rysy hledají někdy až příliš umanutě, je po čase zážitkem číst tolik koncentrovaných idejí, úvah, dobrodružství myšlení v dnešní značně vyprázdněné době, v níž se osobnosti vytrácejí a, jak jsme se docela nedávno právě na poli literární vědy znovu přesvědčili, stávají se chtěnými zajatci komerce a médií, a ideje jsou vytvářeny spíše k likvidaci nosných tradic než k jejich rozvoji a přeměně. Siedlcké knihy jako by dodávaly literární vědě obecně a rusistice a slavistice zvláště novou nadějí a také to, čemu Nietzsche ve svých skvělých aforismech říkal „radostná věda“ (*Die fröhliche Wissenschaft*, 1882).

Ivo Pospíšil

Bibliografie:

- BLAŠKIV, O., MNICH, R. (red.). (2020a): *Fenomen rusckoj èmigracii*. Siedlce.
- BLAŠKIV, O., MNICH, R. (red.). (2020b): *Osvald Špengler i slavjane*. Siedlce.
- KOZAK, E., BORKOWSKA, A. (red.) (2020): *Ispoved' i propoved' v kul'ture i literature*. Conversatoria litteraria XIV. Siedlce – Banská Bystrica.
- POSPÍŠIL, I. (1995): *Renate Lachmann, Die Zerstörung der schönen Rede. Rhetorische Tradition und Konzepte des Poetischen (Theorie und Geschichte der Literatur und der schonen Künste*, Band 93, neue Folge – Reihe A Hermeneutik – Semiotik – Rhetorik, Band 8, München 1994, 370 S.). Wiener Slavistisches Jahrbuch, Band 41, Wien 1995, s. 296–298.
- POSPÍŠIL, I. (1997): *Rétorika a ruský román*. (Tat'jana Jevgen'jevna Avtuchovič: *Ritorika i ruskij roman XVIII v. Vzaimodejstvija i načal'nyj period formirovanija žanra*. Grodno 1995, 185 s.). Svět literatury 1997, 13, s. 116–119.

<https://doi.org/10.5817/NR2021-1-8>

Grzegorz Gazda jako rusista. In memoriam polského teoretika literatury

Rusistika nebyla hlavním oborem vědecké činnosti nedávno zesnulého Grzegorza Gazdy (13. října 1943 – 28. srpna 2020), profesora humanitních věd, historika a teoretika literatury a filmu, odborníka na literaturu holokaustu. Jako absolvent lodžského lycea J. Lelewela vstoupil na Filologickou fakultu Lodžské univerzity, kterou ukončil roku 1966 v oboru polská filologie se specializací filmologie: magisterský titul získal prací o polském poetickém filmu pod vedením prof. Bolesława Lewického, v letech 1967–1969 byl doktorandem v Polské akademii věd a titul doktora humanitních věd získal roku 1972 prací o polském futurismu za vedení prof. Stefanie Skwarczyńskiej; mezi recenzenty byl mj. Michał Głowiński. Habilitoval se spisem z dějin evropských avantgard, který recenzoval kromě Stefanie Skwarczyńskiej také Janusz Sławiński.¹ A právě těmito posledně uvedenými pracemi nemohl nevstoupit do hájemství ruské literatury.

Takříkajíc zdědil koeditorství genologického časopisu *Zagadnienia rodzajów literackich* po své učitelce Stefanii Skwarczyńskiej (1902–1988) a dále v tom spolupracoval s druhou redakcí, která byla tehdy ve Vratislavi/Wrocławu a již

reprezentoval skvělý literární teoretik, genolog a filmolog Jan Trzynadlowski (1912–1995) a později jeho žák Bogdan Pięczka (1935–2004).

V rozsáhlém panoramatu vědecké činnosti Grzegorza Gazdy vyniká však – jak výše naznačeno – také jeho rusistická tvorba; to byl také jeden z důvodů, proč jsme ho požádali o členství v redakční radě *Nové rusistiky*. Magisterský titul za vedení prof. Bolesława W. Lewického získal sice na základě analýzy polského poetického filmu, ale již doktorát získal za práci *Futuryzm w Polsce na tle ówczesnych prądów literackich* napsanou již za vedení Stefanie Skwarczyńskiej (recenzenty byli prof. Teresa Cieślukowska, prof. Artur Hutnikiewicz i prof. Michał Głowiński). Gazda se vlastně pohyboval mezi literaturou, divadlem a filmem a mezi literárními směry a žánry. A právě od literárních a uměleckých směrů vedla cesta k moderně a avantgardě, a tedy k rusistice. Jeho habilitace byla *Awangarda – nowoczesność i tradycja. Z teorii i historii europejskich kierunków literackich pierwszych dziesięcioleci XX wieku* a ji rozvinul do publikací *Futuryzm w Polsce* (Ossolineum Wrocław 1972), *Awangarda, nowoczesność i tradycja. W kręgu europejskich kierunków literackich pierwszych dziesięcioleci XX wieku* (Łódź 1987), *Słownik europejskich kierunków i grup literackich XX wieku* (Warszawa 2000, 2009), *Dwudziestolecie międzywojenne. Słownik literatury polskiej* (Gdańsk 2008) a koneckonců i do slovníku, který redigoval, a to *Słownik rodzajów i gatunków literackich* (Kraków 2006,

1 Podrobnější biografické a kariérové informace viz [POSPÍŠIL 2020].

2012), kam přispěli i brněnští slavisté. Jak vidno, jeho doménou byla polská literatura, polský film, polská avantgarda, konkrétně polský futurismus, a tu nemohl minout ruskou avantgardu a ruský futurismus a s ním spřízněné umělecké směry, jimiž ruská literatura spolu s výtvarným uměním a architekturou opět – po tzv. zlatém věku a ruském realismu a románu – stanula v čele světového literárního a obecně uměleckého (týkalo se to v určitém smyslu i hudby) vývoje. Uvádět konkrétní jména by bylo vožením sov do Athén (egofuturismus, kubofuturismus, konstruktivismus, abstrakcionismus, a přece jen pár jmen: Vladimír Majakovskij, Velimir Chlebnikov, Alexej Kručonych, Vasilij Kandinskij, Kazimir Malevič, Marc Chagall). Také analýzu žánrů opíral o ruskou literaturu, která do jejich podoby vnesla silné inovativní prvky. Své docenění role ruské literatury vyjádřil v knize *Awangarda, nowoczesność i tradycja* slovy „... przykład literatury rosyjskiej [...] potwierdza bezpośrednią zależność wysokiej rangi symbolizmu i wysokiej rangi awangardowej formacji poetyckiej, jaka po nim nastąpiła“ [GAZDA 1987, 183]. Stojí za to připomenout, že Gazda komentoval vliv marxismu a revoluční situace, jež avantgardu utvářely (proletářská literatura, ale také futurismus, konstruktivismus a surrealismus) – sami autoři byli s radikální levicí osobně úzce spjatí. Gazda byl také jedním z mála badatelů, kteří komparovali polský, ruský a český (sic!) futurismus: zvláště český futurismus, jenž donedávna čeští

bohemisté v dějinách české literatury ani nevydělovali jako speciální směr zaujímající pozici na úrovni poetismu nebo surrealismu (koneckonců řada děl tradičně přiřazovaných k těmto směrům, má futuristické podloží: S. K. Neumann: *Nové zpěvy*, 1918; V. Nezval: *Edison*, 1927; J. Seifert: *Na vlnách TSF*; 1925 aj.). To, že Poláci, v jejichž literatuře byl futurismus silný, nacházejí tyto rysy i v české literatuře, zatímco ruská je de facto pro obě literatury předlohou – doložila až později speciální publikace polské bohemistky ([GWÓŹDŹ-SZEWCZENKO 2009], viz naši recenzi [POSPÍŠIL 2011]). Grzegorz Gazda byl tak – kromě širokého, již zmíněného rozpětí – také významným rusistou, znalcem ruské a mezinárodní avantgardy a předjímal budoucí práce o českém futurismu.

Ivo Pospíšil

Bibliografie:

- POSPÍŠIL, I. (2011): *Ilona Gwóźdź-Szewczenko: Futuryzm w czeskim pejzażu literackim. Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, Wrocław 2009 (recenze)*. STIL 10, Beograd 2011, s. 357–358.
- POSPÍŠIL, I. (2020): *Památce Grzegorze Gazdy*. Slavica litteraria, 2020, č. 2, s. 171–172.
- GAZDA, G. (1987): *Awangarda, nowoczesność i tradycja: w kręgu europejskich kierunków literackich pierwszych dziesięcioleci XX w.* Łódź.
- GWÓŹDŹ-SZEWCZENKO, I. (2009): *Futuryzm w czeskim pejzażu literackim*. Wrocław.

<https://doi.org/10.5817/NR2021-1-9>

Památce docentky Květuše Lepilové

НОВАЯ РУСИСТИКА [№ 1/2021 (XIV)]

Jakoby symbolicky na Štědrý den 2020 opustila tento svět doc. PhDr. Květuše Lepilová, CSc. (nar. 9. dubna 1933 v Ostravě), významná slavistka, rusistka a bohemistka, znalkyně hudební kultury, sama hudebnice, správkyně archívu Nadace Františka Lýska, členka Vědecké rady Národní knihovny. Bylo to přirozené: narodila se právě v rodině sbormistra, hudebního pedagoga Františka Lýska, tvůrce českého sborového zpěvu, jako svébytného umění. Ostatně hudba ji provázela po celý život a působila i na její filologickou orientaci, zejména ve smyslu komunikace uměním, literárním textem, čtením. Činnost doc. Lepilové je tak rozsáhlá, že není možné, aby ji jeden člověk, navíc v řadě oblastí nekompetentní, obsáhl. Pro mě je především rusistkou, skutečnou filoložkou, která stavěla na nezušitelném sepětí jazyka a písemnictví, umění a kultury v nejširším slova smyslu.

Maturovala v Brně roku 1951, později složila státní zkoušky na brněnské konzervatoři ze hry na klavír a zpěvu, dále studovala na brněnské univerzitě tehdy klasický obor čeština a ruština a vlastně od počátku se její činnost filoložky týkala komunikace jazykem a literaturou. Po dvacetiletém působení na středních školách v tehdejších Gottwaldově a Olomouci se jejím pracovištěm stala Filozofická fakulta Palackého univerzity

(1973–1990). To už byla doktorkou filozofie, po čase získala i vědeckou hodnost kandidátky věd a stala se docentkou. V roce 1991 už zakládala na nově zřízené Ostravské univerzitě katedru rusistiky. O to, co pro ni udělala, již dnes málokdo ví: početné grantové projekty, učebnice, konference mladých badatelů, knihy a učební texty směřující k praktickému uplatnění ruštiny, ke komunikaci, textu a kontextu a čtenářství. Od roku 2006 působila externě na Ústavu slavistiky na Filozofické fakultě Masarykovy univerzity, tedy se tak vlastně vrátila na svou alma mater: zde organizovala kurzy pro ruštináře středních škol a ve spolupráci s kolegy se jí podařilo získat akreditaci MŠMT. Její aktivita nesla s sebou i získávání vyučujících, včetně zahraničních.

Za svou kreativitu byla vysoce hodnocena, mj. stříbrnou medailí Univerzity Palackého, medailí Josefa Jungmanna (od České asociace rusistů), obdržela Cenu Bedřicha Smetany aj. Mnoho energie věnovala práci pro Nadaci Františka Lýska: zachování a rozvinutí tvůrčího dědictví svého otce se věnovala s velkým nasazením.

Řada prací, které napsala nebo editovala, byla průkopnická, jako např. *Konkretizace uměleckého textu a čtenářská aktivita* (1982), *Dynamika řečové a literární komunikace* (2002), *Text, obraz a zvuk* (2003), *Text a kontext* (2003, 2008), *Cesty ke čtenářství* (2014); vytvořila také několik učebních textů, kulturních a literárních přehledů a poznávacích prací teoreticky i prakticky zaměřených, mj. i na management. Její spolužačka a kamarádka,

[информаторий]

také již zvěčnělá prof. Danuše Kšicová zdůraznila v jednom jubilejním článku mimo jiné pragmatický aspekt její činnosti, ale to jistě nebylo všechno. Ti, kteří ji alespoň trochu znali, dobře vědí, že její práce byla nesena také obrovskou emocí, nadšením, srdcem. Doc. Lepilová měla ráda lidi, i když její životní cesta profesní nebyla přímočará: z Palackého univerzity musela v roce 1990 odejít, na to se pamatují velmi dobře a nechci se k tomu právě zde vracet; podobně i působení a předčasný odchod v plné síle z Ostravy nebyl projevem solidnosti příslušných institucí, které se tak připravily o špičkovou odbornici. Když po roce 1990 hledala nové uplatnění a vrátila se vlastně do svého rodiště, byla to ona, kdo nabízela pracovní místa starším i mladým, za něž doslova dýchala: snad si na alespoň někteří vděčně vzpomenu. Dobře se na vše pamatují a také na různé aktéry: jeden pracovník si po letech nemohl ani vzpomenout, jak se na jejím pracovišti vlastně ocitl. Právě po svém odchodu z Ostravy se na mě obrátila s nabídkou spolupráce, a tak byly položeny základy onoho brněnského projektu, ale ani to nebylo tak hladké, jak se některým dnes zdá: dobře se na to pamatují. i když se na mnoho věcí už raději zapomělo; paměť není silnou stránkou naší doby, ani této společnosti. Myslím, že její všestranná činnost nebyla dodnes doceněna. Mám ve zvyku si pamatovat a nezapomínat, zatímco paní docentka se naopak vždy dívala dopředu, uměla odpouštět a zapomínat zlé, i když nevím, jak to vše brala uvnitř: v tom byla její velkorysost,

kteří charakterizuje velké lidi. Rusistika v řadě oblastí její nepřítomnost již nyní postrádá, mezeru, která jejím odchodem vznikla na poli lingvistiky, lingvodidaktiky, literární vědy a výchovy nelze zcela zacelit, neboť kreativní a charakterní lidé jsou nenahraditelní.

Ivo Pospíšil

<https://doi.org/10.5817/NR2021-1-10>

Brněnské kolokvium – doktorská škola o Ivanu Gončarovovi

V pořadí již čtvrté (dvakrát Leskov, jednou Dostojevskij) kolokvium se konalo jako mezinárodní doktorská škola pod záštitou děkana FF MU prof. Milana Pola 24. listopadu 2020, tentokrát online, po názvem *Ivan Gončarov a evropský klasicismus a neoklasicismus*. Doktorandi, resp. aspiranti a jejich učitelé/školicelé z České republiky, Ukrajiny a Ruska využívali různých metodologických postupů (projevily se tu metody literární komparatistiky, generální komparatistiky, genologie, naratologie, recepční estetiky, strukturální analýzy se stopami hermeneutiky aj.) při zkoumání řady aspektů tvorby autora, která znovu v dnešní době ožívá – stejně jako v anglosaském světě například podobně založená Jane Austenová (1775–1817; prý právě o ní realistický satirik a humorista Mark Twain, vl. jm. Samuel Langhorne Clemens, 1835–1910, řekl, že „Every library is good

which does not contain the works of Jane Austen“) – konzervatismus hodnot, úcta k formě a technologii tvorby, kult klidu a harmonie jako nejvyšší estetické hodnoty (zjevná návaznost na antické sofisty a Aristotela), úcta k tradici, odmítnutí chaosu a plodné návraty k antice a evropskému klasicismu 17. a 18. století, prioritita kontinuity oproti diskontinuitě. Kolokvium zahájil jménem vedení Filozofické fakulty Masarykovy univerzity prodekan pro vědu prof. Petr Kyloušek, za organizátory vedoucí Ústavu slavistiky Ivo Pospíšil.

Ukrajiniští účastníci (z univerzity v Černovicích, ukraj. Černivci, rus. Černovcy, rum. Cernăuți, kdysi centrum Bukoviny jako naší společné předlitavské vlasti, univerzitní komplex postavil v letech 1864–1882 známý český architekt Josef Hlávka jako rezidenci bukovinského metropolity), jejichž vedoucí Olha Červinská (Olga Červinskaja) kolokvium svým referátem zahájila, se orientovali na široké pojetí spisovatele, včetně jeho ukrajinské recepce (mimořádně: Není důvodem poměrně intenzivní recepce Gončarova na/v Ukrajině právě jeho „neoklasicismus“, který byl na Ukrajině v návaznosti na polský vliv relativně silný?). Ve vystoupení prof. Červinské s názvem *Podle Puškinovy šablony: román Ivana Gončarova Všední příběh* (По пушкинскому лекалу: роман Ивана Гончарова «Обыкновенная история») je předmětem její hypotézy, snad i teorie je představa, že román je založen jako palimpsest známé Puškinovy strofy z Evžena Oněgina Блажен,

кто смолоду был молод, Блажен, кто вовремя созрел (kapitola VIII., strofa X.). Autorka dokonce neváhá uvést, že jde o svéráznou cover verzi této strofy. Možná to tak s trochou hyperboly je. Rusisté z Jaroslavlě se věnovali konkrétním dílům a jejich analýze; např. Taťjana Jur'jevová zkoumala cestopis *Fregata Pallada* v kontextu jiných ruckých travelogů, Natalja Luk'jančiková si všímá dvou ženských postav z Leskovova románu *Není kam jít / Nekuda* a Gončarovovy *Strže*, černovický Roman Dzyk je právě tím, kdo obdivuhodně zmapoval – stejně jako předtím Leskova a Dostojevského – osudy Ivana Gončarova na Ukrajině. Královéhradecká rusistka původem z Volgogradu Galina Kosych srovnává kritické ohlasy na Gončarovovo dílo u M. A. Protopopova a N. Govoruchi-Otroka, Natalija Nikorjaková z Černovic zkoumá filmový scénář a jeho redukování sféry postav vzhledem k románu *Obломov*; její ukrajinská kolegyně Aljona Tyčinovová zkoumá vyprávěcí způsoby (narrativy) v románu *Fregata Pallada* (Нарратив личности автора в книге очерков И. Гончарова «Фрегат Паллада»), Taťjana Melniková z Moskvy analyzuje epistolární text jako reprezentativní znak kultury ve *Strži*, černovická badatelka Julija Isarčuk se zabývá imagologickou recepcí postavy Štolce v současnosti, Lenka Odehnalová (roz. Paučová) zkoumala Gončarova jako literárního kritika, autor této zprávy nazíral Gončarova v tradicích klasicismu s odvoláním na citát z Johanna Joachima Winckelmannna (1717–1768):

„Edle Einfalt, stille Größe“ (vznešená prostota/jednoduchost, klidná velikost).

Klíčovou součástí kolokvia – doktorské školy byly diskuse a hlavně workshop, jímž se kolokvium uzavíralo. Rámcem zkoumání bylo sice to, co organizátoři navrhli při koncipování celé akce, tedy Gončarov na hraně romanismu a realismu, jeho profese cenzora, jeho činnost literárního kritika, roma-

nopisce, ideologa a politika, cestovatele, autora tzv. antinihilistického románu, jeho pojetí literárních žánrů a hlavně prvky klasicistické poetiky v jeho díle, ale bádání a debaty probíhaly i po jiných liniích, hlavně recepce a vztahu k jiným druhům umění. Snad bude možné v těchto mezinárodních setkáních doktorandů a jejich učitelů pokračovat.

Ivo Pospíšil

НОВАЯ РУСИСТИКА

№ **1 / 2021** (XIV)

Международный журнал

современной филологической
и ареальной русистики

Web časopisu

www.phil.muni.cz/journals/novaya-rusistika

Archiv časopisu v Digitální knihovně FF MU

<https://digilib.phil.muni.cz/handle/11222.digilib/115644>

Redakce

Ivo Pospíšil, šéfredaktor (ivo.pospisil@phil.muni.cz)

Josef Šaur, výkonný redaktor (josef.saur@phil.muni.cz)

Adresa redakce

Novaja rusistika

Masarykova univerzita, Filozofická fakulta, Ústav slavistiky

Arna Nováka 1, 602 00 Brno

tel.: +420 549 496 240

Redakční kruh

Ol'ha Červins'ka, Anton Eliáš, Grzegorz Gazda, Jiří Gazda, Reinhard Ibler, Jiří Klapka,
Ol'ga Kovačičová, Mária Kusá, Aljaksandr Lukašanec, Zdeněk Pechal, Oldřich Richterek,
Lucjan Suchanek, Radomír Vlček

Vydává Česká asociace slavistů ve spolupráci s Filozofickou fakultou Masarykovy univerzity,
Arna Nováka 1, 602 00 Brno, IČ 265 92 037.

Vychází 2× ročně, toto číslo vychází v červnu 2021.

Grafická úprava obálky a typografie Pavel Křepela

Sazba v Lua^{TeX}u písmo Linux Libertine a Source Sans Pro Zbyněk Michálek

Tisk Tiskárna Knopp, s. r. o., U Lípy 926, 549 01 Nové Město nad Metují

Náklad 110 výtisků

Časopis je evidován MK ČR pod. č. E 18201.

Časopis © Česká asociace slavistů, z. s., 2021

ISSN 1803-4950 (print)

ISSN 2336-4564 (online)

Cena jednoho čísla 130 Kč (plus poštovné a balné)